

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Н. В. Гоголь
**ТАРАС
БУЛЬБА**

Миргород

Николай Гоголь

Тарас Бульба

Издательство «Детская литература»

1835

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)1-44

Гоголь Н. В.

Тарас Бульба / Н. В. Гоголь — Издательство «Детская литература», 1835 — (Миргород)

ISBN 978-5-08-004662-9

Известная повесть Н. В. Гоголя из цикла «Миргород», при создании которой автор широко использовал различные исторические источники: мемуары, летописи, исследования, фольклорные материалы. Н. В. Гоголь создавал повесть «Тарас Бульба» не просто как героическое произведение из малороссийской истории, а как притчу о всей известной ему России. Комментированное издание. Для старшего школьного возраста.

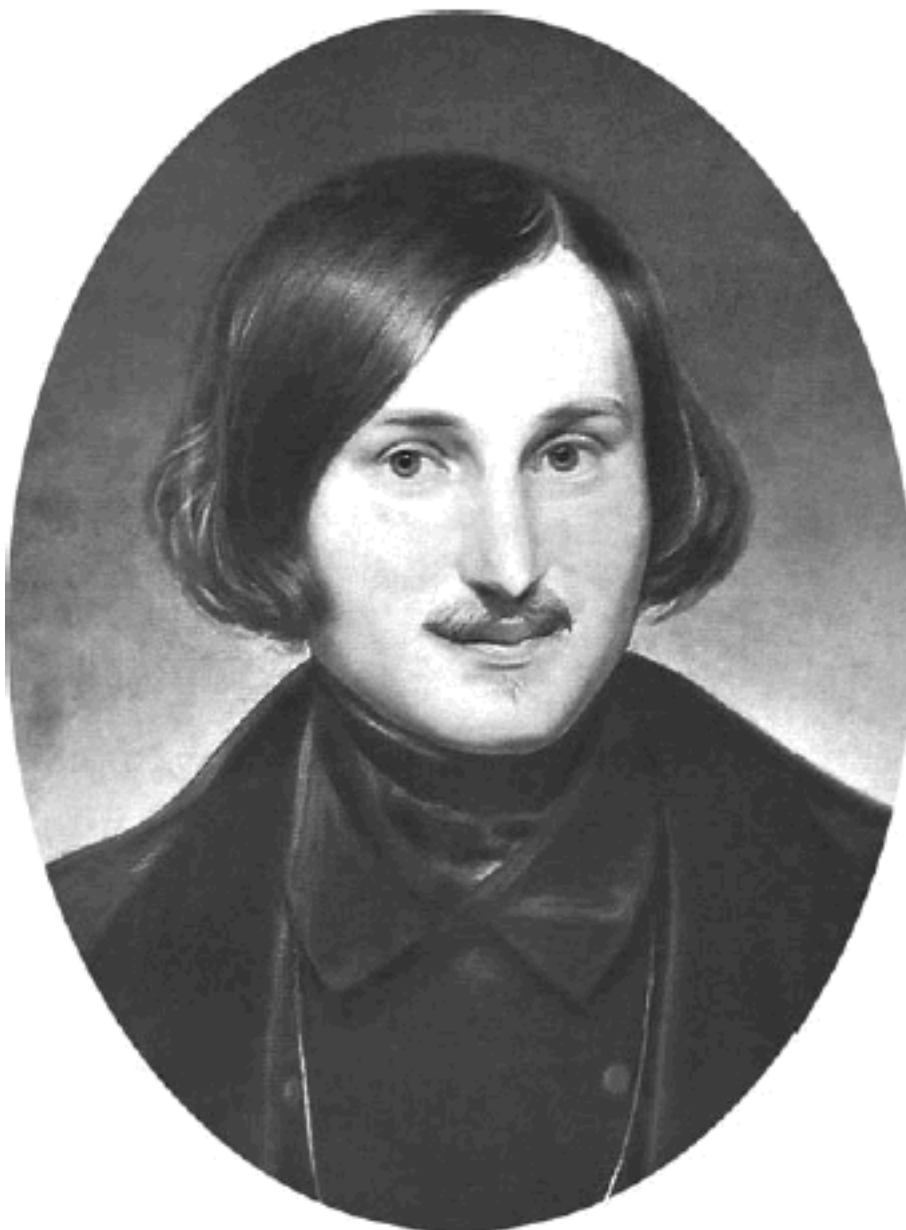
УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)1-44

ISBN 978-5-08-004662-9

© Гоголь Н. В., 1835
© Издательство «Детская литература», 1835

Содержание

Гражданин земли русской	7
Тарас Бульба[2]	12
I	13
II	22
III	31
Конец ознакомительного фрагмента.	37

A stylized, handwritten signature of Nikolai Gogol in black ink. The signature is written in a cursive script, with the first letters of the first and last names being capitalized and prominent. The signature is positioned below the portrait.

1809—1852

Николай Васильевич Гоголь
Тарас Бульба

© Воропаев В. А., вступительная статья, 2001

© Виноградов И. А., комментарии, 2001

© Кибрик Е. А., наследники, иллюстрации, 1946

© Оформление серии. Издательство «Детская литература», 2001

* * *

Гражданин земли русской

Писатель Борис Зайцев свой очерк «Жизнь с Гоголем» начинает отрывком из первой книги автобиографической тетралогии «Путешествие Глеба»: «После вечернего чая – со сливками, горячим хлебом, ледяным маслом, в промежутке до ужина, под висевшей над столом лампой отец читал Гоголя. Мать шила. Девочки вязали. Глеб сидел рядом с отцом и благоговейно смотрел ему в рот. Казаки носились по невиданному полю перед фантастическим Дубно и сражались подобно героям «Илиады». Все они были великолепны, громоподобны и невероятны. Но высокий звон речи гоголевской сотрясал душу, волновал ребенка, владел им как хотел. Да и отец, хоть не дитя, читал с волнением. Когда дошло до казни и Остап, в терзаниях на эшафоте, не выдержал, крикнул: «Батько! Где ты? Слышишь ли ты все это?», а Тарас ответил: «Слышу!» – отец остановился, вынул носовой платок, поочередно приложил к правому, левому глазу. Глеб встал, подошел сзади, обнял его и поцеловал – этим хотел выразить все восхищение свое и Гоголем, и отцом. Ему показалось, что и он мог бы выдержать эти мучения, а отец был бы Тарасом». Так описывает Зайцев первую встречу ребенка с Гоголем.

Рассказывая в «Авторской исповеди» о том, как он стал писателем, Гоголь говорит: «... когда я стал задумываться о моем будущем (а задумываться о будущем я начал рано, в те поры, когда все мои сверстники думали еще об играх), мысль о писателе мне никогда не всходила на ум, хотя мне всегда казалось, что я сделаюсь человеком известным, что меня ожидает просторный круг действий и что я сделаю даже что-то для общего добра. <...> Но как только я почувствовал, что на поприще писателя могу сослужить также службу государственную, я бросил все: и прежние свои должности, и Петербург, и общества близких душе моей людей, и самую Россию, затем, чтобы вдали и в уединенье от всех обсудить, как это сделать, как произвести таким образом свое творенье, чтобы доказало оно, что я был также гражданин земли своей и хотел служить ей».

Любовь к Отечеству, понимаемая как служение «гражданина земли своей», пронизывает все творчество Гоголя, – она видна уже в первой прозаической книге писателя – «Вечерах на хуторе близ Диканьки». Герой повести «Страшная месть» Данило Бурульбаш выступает как самоотверженный оборонитель родных рубежей. Воинское братство для него дороже, чем все земные привязанности. Его любимая жена Катерина выпустила из темницы своего отца-колдуна, в котором Данило распознал злейшего врага – предателя Родины. Не зная, кто выпустил пленника, он сурово говорит жене: «Если бы только думу об этом держал в голове хоть один из моих казаков и я бы узнал... я бы и казни ему не нашел!» – «А если бы я?..» – со страхом спрашивает Катерина. «Если бы ты вздумала, тогда бы ты не жена мне была. Я бы тебя зашил тогда в мешок и утопил бы на самой середине Днепра!..»

Героической борьбе малороссов против чужеземцев посвящено одно из лучших творений Гоголя – историческая повесть «Тарас Бульба». С подлинно эпическим размахом создает автор яркие, могучие характеры запорожцев. Суров и непреклонен полковник Тарас, опытный предводитель казацкого войска. Служению Родине и «товариществу» он отдает без остатка всего себя. Гимном русскому боевому братству звучат слова Тараса: «Нет уз святее товарищества! Отец любит свое дитя, мать любит свое дитя, дитя любит отца и мать; но это не то, братцы, любит и зверь свое дитя! но породниться родством по душе, а не по крови, может один только человек. Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в Русской земле, не было таких товарищей».

Тарас справедливо говорит о Русской земле, так как во времена Гоголя Российская империя объединяла три области – Россию, Малороссию и Белоруссию. Все население этих областей считалось русским.

Боевые сцены под стенами Дубно – центральные в повести. Доблестно сражаются запорожские казаки, вызывая восхищение даже у своих врагов. «Далеко понеслось громкое хлопанье по всем окрестным полям и нивам, сливаясь в непрерывный гул; дымом затянуло все поле; а запорожцы все палили, не переводя духу: задние только заряжали да передавали передним, наводя изумление на неприятеля, не могшего понять, как стреляли казаки, не заряжая ружей. <...> Сам иноземный инженер подивился такой, никогда им не виданной тактике, сказавши тут же при всех: «Вот brave молодцы-запорожцы! Вот как нужно биться и другим в других землях!»

Действия казаков даны как бы крупным планом, штрихами яркими, заключающими в себе нередко патетическую гиперболу, характерную для героического эпоса. Мы видим и весь ход боя, и действия отдельных бойцов с их воинскими приемами, их наружность, оружие, одежду. Уже первые читатели «Тараса Бульбы» увидели в повести образец эпического стиля.

Работая над книгой, Гоголь пересмотрел множество летописей и исторических источников. Он прекрасно знал эпоху, которой посвящено его произведение. Но важнейшим материалом, который помог писателю так ярко описать запорожцев, стали народные песни и думы. Гоголь был глубоким знатоком и собирателем устного народного творчества. «Моя радость, жизнь моя! песни! как я вас люблю! – писал он в 1833 году своему другу, известному фольклористу Михаилу Максимовичу. – Что все черствые летописи, в которых я теперь роюсь, перед этими звонкими, живыми летописями!»

Именно в песнях находил Гоголь отражение настоящей народной жизни. «Это народная история, живая, яркая, исполненная красок, истины, обнажающая всю жизнь народа», – писал он в статье «О малороссийских песнях». Автор «Тараса Бульбы» сознательно использует поэтику фольклора, из героических народных песен черпает образы, краски, приемы. Так, например, он широко использует былинно-песенный прием распространенных сравнений: «Как плавающий в небе ястреб, давши много кругов сильными крылами, вдруг останавливается распластанный среди воздуха на одном месте и бьет оттуда стрелой на раскричавшегося у самой дороги самца-перепела, – так Тарасов сын, Остап, налетел вдруг на хорунжего и сразу накинул ему на шею веревку».

Один из самых характерных приемов народной поэзии – это троекратные повторения. В повести Гоголя в разгар битвы Тарас трижды переключается с казаками: «А что, паны? есть еще порох в пороховницах? не ослабела ли казацкая сила? не гнутся ли казаки?» И трижды слышится ему в ответ: «Есть еще, батько, порох в пороховницах; не ослабела еще казацкая сила, еще не гнутся казаки!»

Героям Сечи свойственна одна общая черта – их самоотверженная преданность Родине. Сраженные в битве казаки, умирая, славят Русскую землю. Сбываются слова Тараса: «Пусть же знают они все, что такое значит в Русской земле товарищество. Уж если на то пошло, чтобы умирать, так никому ж из них не доведется так умирать!..» Вот пошатнулся смертельно раненый удалой атаман Мосий Шило, наложил руку на свою рану и сказал: «Прощайте, паны-братья, товарищи! пусть же стоит на вечные времена православная Русская земля и будет ей вечная честь!» Добрый казак Степан Гуска, поднятый на четырех копьях, только и успел воскликнуть: «Пусть же пропадут все враги и ликуют вечные веки Русская земля!» Упал старый Касьян Бовдюг, сраженный пулей в самое сердце, но, собрав последние силы, сказал: «Не жаль расстаться с светом! дай Бог и всякому такой кончины! пусть же славится до конца века Русская земля!»

Гоголю важно показать, что запорожцы сражаются и умирают за православную веру. «И понеслась к вышинам Бовдюгова душа рассказать давно отшедшим старцам, как умеют биться на Русской земле и, еще лучше того, как умеют умирать в ней за святую веру». Вот пал, пронзенный копьем, куренной атаман Кукубенко, лучший цвет казацкого войска. Повел он вокруг себя очами и проговорил: «Благодарю Бога, что довелось мне умереть при глазах ваших, товарищи! пусть же после нас живут лучшие, чем мы, и красуется вечно любимая Христом Русская

земля!» Автор восхищается своим героем: «И вылетела молодая душа. Подняли ее ангелы под руки и понесли к небесам; хорошо будет ему там. «Садись, Кукубенко, одесную Меня! – скажет ему Христос. – Ты не изменил товариществу, бесчестного дела не сделал, не выдал в беде человека, хранил и сберегал Мою Церковь».

Читая «Тараса Бульбу», понимаешь, что нет на свете преступления более страшного и позорного, чем измена Родине. Младший сын Тараса, презрев священный долг, увлекся красивой полячкой и перешел на сторону врагов Сечи. Как грозное возмездие воспринимает Андрий свою последнюю встречу с отцом. На вопрос Тараса: «Что, сынку! Помогли тебе твои ляхи?» – Андрий «был безответен». «Так продать? продать веру? продать своих?» Не чувствует жалости к сыну-изменнику Тарас. Без колебания вершит он свой суд: «Я тебя породил, я тебя и убью!» Покорно принимает Андрий приговор отца, понимая, что нет у него и не может быть оправдания. Он не только предатель, но и богоборец, так как, отрекаясь от Родины («Кто сказал, что моя отчизна Украина? кто дал мне ее в отчизны?»), он отрекается от Божьего установления: только Он указывает каждому место его рождения, и человек должен любить данную ему Богом Родину.

А вслед за этим попадает в плен старший сын Тараса Остап. С риском для жизни пробирается в стан врагов отец, чтобы поддержать его в минуту мучительной казни. Вскоре и сам Тарас мужественно погибает в огне, распятый на дереве. В последние минуты жизни он думает не о себе, а о товарищах, о Родине. «...Уже казаки были на челнах и гребли веслами; пули сыпались на них сверху, но не доставали. И вспыхнули радостные очи у старого атамана. «Прощайте, товарищи! – кричал он им сверху. – Вспоминайте меня и будущей весной прибывайте сюда вновь да хорошенько погуляйте! Что, взяли, чертовы ляхи? думаете, есть что-нибудь на свете, чего бы побоялся казак? Пойдите же, придет время, будет время, узнаете вы, что такое православная русская вера!»

Гоголя занимала мысль: не грешно ли христианину убивать людей на поле брани? Среди его выписок из творений святых отцов и учителей Церкви есть такая: «...непозволительно убивать, но убивать врагов на брани и законно, и похвалы достойно» (из святителя Афанасия Александрийского). А вот выписка из современного Гоголю автора – епископа Гедеоны Полтавского: «Облекается ли кто в воинственное мужество, оно возвышенно, когда дышит верою; ибо тогда не отчаяние, не страх, не боязнь, не ожесточение живет в груди воина, но великодушие, поражающее врага без презрения к нему; тогда не мщение, не злоба, но благородное сознание своих достоинств наполняет его сердце».

Без сомнения, Гоголю известен был и ответ равноапостольного Кирилла ученым мусульманам об употреблении христианами оружия. Этот ответ мы читаем в житии просветителя славян. Однажды арабы спросили его: «Если Христос есть ваш Бог, то почему же вы не делаете того, что Он велит вам? Ведь написано в Евангелии: молитесь за врагов, делайте добро ненавидящим и притесняющим вас и бьющим вас подставляйте щеку. Вы же поступаете не так: против противников ваших вы оттачиваете оружие». Святой Кирилл отвечал: «Если в каком законе будут написаны две заповеди и даны людям для исполнения, то кто из людей будет истинный исполнитель закона: тот ли, кто исполнит одну заповедь, или тот, кто – две?» – «Конечно, лучшим исполнителем будет тот, – отвечали арабы, – кто исполнит две заповеди». – «Христос Бог наш, – сказал на это святой, – повелел нам молиться за обидящих нас и благотворить им, но Он также сказал и это: *«Большая сея любви никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя»*¹. Мы переносим обиды, если они направлены только против кого-либо в отдельности, но мы заступаемся и даже полагаем души свои, если они направлены на общество, чтобы наши братья не попали в плен, где могли бы быть соращены к богопротивным и злым делам».

¹ «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Евангелие от Иоанна, гл. 15, ст. 13).

В книге «Выбранные места из переписки с друзьями» Гоголь подводит итог своим размышлениям о том, правомерно ли защищать святыню веры силою оружия: «Чернецы Ослябя и Пересвет, с благословенья самого настоятеля, взяли в руки меч, противный христианину...» Это было перед Куликовской битвой, когда преподобный Сергей Радонежский, игумен земли Русской, благословил святого князя Дмитрия Донского на сражение с татарами.

И все же главным оружием, не отменяя оружия вещественного, Гоголь считал молитву. В 1847 году он писал: «Россия молилась не напрасно. Когда она молилась, то она спасалась. Она помолилась в 1612, и спаслась от поляков; она помолилась в 1812, и спаслась от французов».

Почему же запорожцы, отважные воины, готовые положить свои головы за православную веру, тем не менее потерпели поражение? Как пишет Гоголь, «вся Сечь молилась в одной церкви и готова была защищать ее до последней капли крови», но при этом она «и слышать не хотела о посте и воздержании». То есть вольно или невольно казаки подвергали себя в связи с этим большим опасностям. Хватало у них силы, хватало храбрости, душа устремлялась в бой, но при первом же затишье начиналось повальное пьянство. При осаде Дубно запорожцы напились и подверглись избиению от поляков: их погубило невоздержание. Сам Тарас попал в руки ляхов из-за потерянной «люльки» – табачной трубки. Невоздержанность приводит и к нехристианскому поведению на войне. Так, после казни Остапа Тарас как бы справляет страшные языческие поминки по сыну, уничтожая в каждом захваченном польском селе поголовно все население, не разбирая пола и возраста.

Повесть «Тарас Бульба» популярна не только в России, но и во всем мире. Ее приравнивали к таким классическим эпическим произведениям, как «Илиада» Гомера (на которую Гоголь и ориентировался). Книга многократно переделывалась для театра и для оперной сцены, а также экранизировалась. Повесть «Тарас Бульба» всегда была любимым детским чтением. Известно, что святому мученику царевичу Алексею Николаевичу, сыну царя-мученика Николая Александровича, не однажды читали повесть Гоголя и она ему очень нравилась. А многие произведения отечественных писателей, среди них и сочинения Гоголя, перечитывались членами царской семьи и в заточении – в Тобольске и Екатеринбурге. Хочется надеяться, что гениальная повесть Гоголя «Тарас Бульба» будет утверждать добрые чувства, в том числе мужество и патриотизм, в сердцах юных поколений русских читателей.

Владимир Воронаев

² Впервые повесть Гоголя «Тарас Бульба» была напечатана в сборнике «Миргород» (1835). Во втором томе своих «Сочинений» 1842 года Гоголь дал повесть в новой, коренным образом переработанной редакции. Помимо тщательной стилистической отделки произведения, в нем появились совершенно новые эпизоды и персонажи. В результате переделки объем повести увеличился почти вдвое (вместо девяти глав первой редакции – двенадцать глав во второй), существенно обогатился весь ее идейно-художественный замысел. При всем этом следует подчеркнуть, что не летописи и исторические труды определили развитие жанра исторической прозы Гоголя. Еще в начале 1830-х годов Гоголь вместе с просьбами о присылке рукописных материалов «про времена гетманщины» постоянно побуждал родных собирать для него украинские песни. Присланная в начале ноября 1833 года сестрой Марией Васильевной «старинная тетрадь с песнями» («...между ними... многие очень замечательны», – писал Гоголь матери 22 ноября 1833 года) послужила писателю непосредственным толчком к возобновлению начатой ранее работы над историей Малороссии. Помимо сборника, присланного сестрой, Гоголь в первой половине 1830-х годов пользовался также сборниками «Опыт собрания старинных малороссийских песен» князя Н. А. Цертелева (СПб., 1819), «Малороссийские песни, изданные М. Максимовичем» (М., 1827), «Запорожская старина» И. И. Срезневского (Харьков, 1833), «Украинские народные песни, изданные М. Максимовичем» (М., 1834. Ч. 1), «Piesni polskie i ruskie ludu galicyjskiego. Z muzyka instrumentowana przez Karola Lipinskiego. Zebral i widal Wacław z Oleska» (We Lwowie, 1833) и рукописным собранием народных песен З. Доленги-Ходаковского. В 1834 году, с вступлением на пост главы Министерства народного просвещения С. С. Уварова, провозгласившего в своей деятельности следование началам Православия, самодержавия и народности, в «Журнале Министерства народного просвещения» были напечатаны четыре статьи Гоголя: в февральском номере – «План преподавания всеобщей истории», в апрельском – «Отрывок из истории Малороссии» и статья «О малороссийских песнях», в сентябрьском – написанная в мае – июне статья-лекция «О средних веках». Единство рассматриваемых в этих статьях тем и определяет замысел «Тараса Бульбы», начатого в середине 1834 года. Историю Украины писатель рассматривает на фоне мировой истории. Воспетое в народных песнях-думах малороссийское казачество он называет «одним из замечательнейших явлений европейской истории», «оплотом для Европы от магометанских завоеваний», ставя его в один ряд со средневековым рыцарством. Такой взгляд служит ему прямым прологом к осмыслению современности. Мысль о конечном духовном порабощении Европы на исходе средних веков арабо-мусульманской культурой открывает Гоголю видение всемирно-исторического предназначения России – единственной свободной христианской державы в мире, исповедующей Православие. Предыстория создания второй редакции «Тараса Бульбы» являет в основном те же этапы и характер подготовительной работы, какие предшествовали написанию первой редакции. С изданием в 1835 году «Миргорода» Гоголь не оставил своих поисков новой жанровой формы для художественного воспроизведения прошлого. Успешно привив в «Тарасе Бульбе» народную песню к исторической повести, писатель в дальнейшем делает попытку преобразовать еще один жанр – драму (или трагедию), интерес к которой обнаружил еще в 1831 году с выходом пушкинского «Бориса Годунова». Первым опытом создания исторической драмы, последовавшим непосредственно за появлением первой редакции «Тараса Бульбы», стала незавершенная трагедия из английской истории «Альфред», над которой писатель работал весной – осенью 1835 года и в создании которой использовал, помимо других исторических источников, народные песни (герой драмы – английский король Альфред Великий (849–899), причислен в западной церкви к лику святых за свои исключительные заслуги в религиозно-политическом объединении Англии перед угрозой норманнского завоевания). Над вторым опытом исторической драмы – трагедией из истории Запорожья (из эпохи Богдана Хмельницкого) – Гоголь работал с августа 1839 по сентябрь 1841 года, после чего сжег готовую драму, недовольный малым действием ее на В. А. Жуковского. В работе над драмой Гоголь вновь обратился к «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, использовал известные ему ранее «Историю Русов», «Описание Украины» Г. де Боплана, «Историю о казаках запорожских» князя С. И. Мышецкого, «Историю Малой России» Д. Н. Бантыш-Каменского. Появились и новые источники – книга Б. Шерепа «Annales de la Petite-Russie, ou l'Histoire des Cosaques Saporogues et les Cosaques de l'Ukraine» (Париж, 1788) и какая-то польская книга, из которой Гоголь сделал выписку «Улицы древней Варшавы». Однако главным источником и на этот раз оказались народные песни. С обращения к ним Гоголя начинается создание драмы из истории Запорожья. После сожжения драмы в начале сентября (второй половине августа ст. ст.) 1841 года Гоголь приступает к созданию второй редакции «Тараса Бульбы», для которой широко использует материалы, приготовленные ранее для драмы. Здесь появляются новые реминисценции из народных песен, собранных И. И. Срезневским и М. А. Максимовичем; привлекается и новый сборник – «Малороссийские и червоно-русские думы и песни, изданные П. Лукашевичем» (СПб., 1836). В работе Гоголю помогает его сестра, Елизавета Васильевна, которая, окончив переписку первого тома «Мертвых душ» для цензуры, приступает к изготовлению списка новой редакции «Тараса Бульбы». К концу 1841 года работа в основном была завершена, и перед отъездом Гоголя за границу в начале июня 1842 года повесть была представлена на рассмотрение петербургской цензуры.

Тарас Бульба²

I

– А поворотись-ка, сын! Экой ты смешной какой! Что это на вас за поповские подрясники?³ И этак все ходят в академии⁴? – Такими словами встретил старый Бульба⁵ двух сыновей своих, учившихся в киевской бурсе и приехавших домой к отцу.

Сыновья его только что слезли с коней. Это были два дюжие молодца, еще смотревшие исподлобья, как недавно выпущенные семинаристы. Крепкие, здоровые лица их были покрыты первым пухом волос, которого еще не касалась бритва. Они были очень смущены таким приемом отца и стояли неподвижно, потупив глаза в землю.

– Стойте, стойте! дайте мне разглядеть вас хорошенько, – продолжал он, поворачивая их, – какие же длинные на вас свитки! экие свитки! таких свиток еще и на свете не было. А побег который-нибудь из вас! я посмотрю, не шлепнется ли он на землю, запутавшись в полы.

– Не смейся, не смейся, батько! – сказал наконец старший из них.

– Смотри ты, какой пышный! а отчего ж бы не смеяться?

– Да так; хоть ты мне и батька, а как будешь смеяться, то, ей-богу, поколочу!

– Ах ты, сякой-такой сын! как, батьку? – сказал Тарас Бульба, отступивши с удивлением несколько шагов назад.

– Да хоть и батьку. За обиду не посмотрю и не уважу никого.

---

³ *Что это на вас за поповские подрясники? <...> А побег который-нибудь из вас!..* – С первых строк повести Гоголь подчеркивает мысль об особом положении воина-защитника, «поборника целомудрия и благочестия», в церковном единстве.

⁴ *Академия* – здесь: Киевская духовная академия, первое высшее богослужбное учебное заведение в Южной России; переименовано в академию в 1689 году из коллегии, основанной в 1632 году киевским митрополитом Петром Могилой. Курс обучения продолжался 12 лет и давал богословскую и общеобразовательную подготовку, знание языков. Киевская духовная академия представляла собой не только собственно духовное учебное заведение, готовившее будущих пастырей, но и общеобразовательное учебное заведение, в котором проходили «закалку» и простые «рыцари» веры – такие, как сыновья Тараса Бульбы.

⁵ *Бульба* – картофель (укр.).

– Как же хочешь ты со мною биться, разве на кулаки?

– Да уж на чем бы то ни было.

– Ну, давай на кулаки! – говорил Тарас Бульба, засучив рукава, – посмотрю я, что за человек ты в кулаке!

И отец с сыном, вместо приветствия после давней отлучки, начали насаживать друг другу тумачи и в бока, и в поясницу, и в грудь, то отступая и оглядываясь, то вновь наступая.

– Смотрите, добрые люди: одурел старый! совсем спятил с ума! – говорила бледная, худощавая и добрая мать их, стоявшая у порога и не успевшая еще обнять ненаглядных детей своих. – Дети приехали домой, больше года их не видали, а он задумал невесть что: на кулаки биться!

– Да он славно бьется! – говорил Бульба, остановившись, – ей-богу, хорошо! – продолжал он, немного оправляясь, – так, хоть бы даже и не пробовать. Добрый будет казак! Ну, здорово, сынку! почеломкаемся! – И отец с сыном стали целоваться. – Добре, сынку! Вот так колоти всякого, как меня тузил: никому не спускай! а все-таки на тебе смешное убранство: что это за веревка висит? А ты, бейбас⁶, что стоишь и руки опустил? – говорил он, обращаясь к младшему, – что ж ты, собачий сын, не поколотишь меня?

– Вот еще что выдумал! – говорила мать, обнимавшая между тем младшего, – и придет же в голову этакое, чтобы дитя родное било отца. Да будто и до того теперь: дитя молодое, проехало столько пути, утомилось... (это дитя было двадцати с лишком лет и ровно в сажень ростом), ему бы теперь нужно опочить и поесть чего-нибудь, а он заставляет его биться!

– Э, да ты мазунчик⁷, как я вижу! – говорил Бульба. – Не слушай, сынку, матери: она баба, она ничего не знает. Какая вам нежба? Ваша нежба – чистое поле да добрый конь: вот ваша нежба! А видите вот эту саблю – вот ваша мать! Это все дрянь, чем набивают головы ваши: и академии, и все те книжки, буквари, и философия, и все это *ка зна що*⁸, – я плевать на все это! – Здесь Бульба пригнал в строку такое слово, которое даже не употребляется в печати. – А вот, лучше, я вас на той же неделе отправлю на Запорожье⁹. Вот где наука! Там вам школа; там только наберетесь разуму.

– И всего только одну неделю быть им дома? – говорила жалостно, со слезами на глазах, худощавая старуха мать. – И погулять им, бедным, не удастся, не удастся и дому родного узнать, и мне не удастся наглядеться на них!

– Полно, полно выть, старуха! Казак не на то, чтобы возиться с бабами. Ты бы спрятала их обоих себе под юбку, да и сидела бы на них, как на куриных яйцах. Ступай, ступай, да ставь нам скорее на стол все, что есть. Не нужно пампушек¹⁰, медовиков¹¹, маковников¹² и других пундиков¹³; тащи нам всего барана, козу давай, меды сорокалетние! да горелки побольше, не с выдумками горелки, не с изюмом и всякими вытребеньками¹⁴, а чистой пенной горелки, чтоб играла и шипела как бешеная.

⁶ *Бейбас* (бэльбас) – балбес, олух.

⁷ *Мазунчик* – неженка, маменькин сынок, баловень (от *укр.* «ма́зати» – баловать, ласкать).

⁸ *Ка зна що* – невесть что, дрянь, чепуха.

⁹ *Запорожье* – здесь: Запорожская Сечь – общественно-политическая и военная организация украинских казаков в низовьях Днепра, в XVI–XVIII веках называвшаяся по своему главному укреплению Сечью (сечь или *січ* – лесная вырубка, завал из деревьев).

¹⁰ *Пампушки* (уменьш. от «пампухи») – пышки, «вареное кушанье из теста» (словарь «малороссийских слов, встречающихся в первом и втором томах» Собрания сочинений Гоголя 1842 года издания).

¹¹ *Медовик* – медовый пряник.

¹² *Маковник* – лепешка из меда с маком.

¹³ *Пундики* – «род пышек, жаренных в масле» (Виргилиева Энеида, на малороссийский язык переложенная И. Котляревским. СПб., 1809. Ч. 4. Словарь малороссийских слов. С. 17).

¹⁴ *Вытребеньки* – прихоти, баловство, выдумки.

Бульба повел сыновей своих в светлицу, откуда проворно выбежали две красивые девки-прислужницы в червонных монистах, прибиравшие комнаты. Они, как видно, испугались приезда паничей, не любивших спускаться никому, или же просто хотели соблюсти свой женский обычай: вскрикнуть и броситься опростеть, увидевши мужчину, и потом долго закрываться от сильного стыда рукавом. Светлица была убрана во вкусе того времени, – о котором живые намеки остались только в песнях да в народных думах, уже не поющих больше на Украине бородатыми старцами-слепцами в сопровождении тихого треньканья бандуры¹⁵, в виду обступившего народа, – во вкусе того бранного, трудного времени, когда начались разыгрываться схватки и битвы на Украине за унию¹⁶. Все было чисто, вымазано цветной глиной. На стенах – сабли¹⁷, нагайки, сетки для птиц, невода и ружья, хитро обделанный рог для порошу, золотая уздечка на коня и путы с серебряными бляхами. Окна в светлице были маленькие, с круглыми тусклыми стеклами, какие встречаются ныне только в старинных церквях, сквозь которые иначе нельзя было глядеть, как приподняв подвижное стекло. Вокруг окон и дверей были красные отводы¹⁸. На полках по углам стояли кувшины, бутылки и фляжки зеленого и синего стекла, резные серебряные кубки, позолоченные чарки всякой работы: венецейской¹⁹, турецкой, черкесской, зашедшие в светлицу Бульбы всякими путями через третьи и четвертые руки, что было весьма обыкновенно в те удалые времена. Берестовые скамьи²⁰ вокруг всей комнаты; огромный стол под образами в переднем углу; широкая печь с запечьями, уступами и выступами, покрытая цветными пестрыми изразцами. Все это было очень знакомо нашим двум молодцам, приходившим каждый год домой на каникулярное время, приходившим потому, что у них не было еще коней, и потому, что не в обычае было позволять школярам ездить верхом. У них были только длинные чубы, за которые мог выдрать их всякий казак, носивший оружие. Бульба только при выпуске их послал им из табуна своего пару молодых жеребцов.

Бульба по случаю приезда сыновей велел созвать всех сотников²¹ и весь полковой чин, кто только был налицо; и когда пришли двое из них и есаул²² Дмитро Товкач²³, старый его товарищ, он им тот же час представил сыновей, говоря: «Вот, смотрите, какие молодцы! на Сечь их скоро пошлю». Гости поздравили и Бульбу и обоих юношей и сказали им, что доброе дело делают и что нет лучшей науки для молодого человека, как Запорожская Сечь.

– Ну ж, паны-браты, садись всякий, где кому лучше, за стол. Ну, сынки! прежде всего выпьем горелки! – так говорил Бульба. – Боже, благослови! Будьте здоровы, сынки: и ты, Остап, и ты, Андрий! Дай же Боже, чтоб вы на войне всегда были удачливы! чтоб бусурманов²⁴ били,

¹⁵ Бандура – инструмент, род гитары.

¹⁶ ...за унию – то есть из-за унии. Уния (лат. unio – союз, объединение) – здесь: соглашение части западнорусских иерархов об объединении Православной Церкви с Римом с признанием главенствующей роли папы и ряда католических догматов при сохранении своих обрядов и богослужения. С принятием унии на соборе в Бресте в 1596 году униатские епископы были отлучены от Церкви; насильственное распространение унии на Украине привело к усилению закабаления украинского населения польскими помещиками и католическим духовенством. Часть украинского дворянства поддержала унию, тогда как простой народ и казачество продолжали держаться Православия.

¹⁷ На стенах – сабли... ружья <...> На полках... кубки... <...> Все это было очень знакомо нашим двум молодцам... – Светлица Тараса как бы представляет собой своеобразный «домашний музей», главное назначение которого здесь – воспитание сыновей. Изображение ее напоминает описание светлицы пана Данилы в «Страшной мести»: «Вокруг стен... полки... на них... кубки... Ниже висят дорогие мушкеты, сабли, пищали... Глядя на них, пан Данило как будто по значкам припоминал свои схватки».

¹⁸ Красные отводы – декоративный орнамент на окнах и дверях дома.

¹⁹ Венецейский – венецианский.

²⁰ Берестовые скамьи – скамьи из береста (украинское название вяза).

²¹ Сотник – здесь: начальник сотни, территориально-войсковой единицы казаков в XVII–XVIII веках, располагавшейся в своем городке или местечке.

²² Есаул (от тюрк. «ясаул» – начальник) – административно-войсковая должность и чин в казацком войске с 1576 года.

²³ Товкач (товкачка) – пест. В черновой редакции повести 1834 года герой назывался Довбешкой (от укр. «довбаю» – долблю).

²⁴ Бусурмаи – иноверцы, нехристиане, преимущественно магометане.

и турков бы били, и татаров били бы, когда и ляхи²⁵ начнут что против веры нашей чинить, то и ляхов бы били. Ну, подставляй свою чарку; что, хороша горелка? А как по-латини горелка? То-то, сынку, дурни были латинцы: они и не знали, есть ли на свете горелка. Как, бишь, того звали, что латинские вирши писал? Я грамоте разумею не сильно, а потому и не знаю: Гораций, что ли?

«Вишь, какой батька! – подумал про себя старший сын, Остап. – Все, старая собака, знает, а еще и прикидывается».

– Я думаю, архимандрит²⁶ не давал вам и понюхать горелки, – продолжал Тарас. – А признайтесь, сынки, крепко стегали вас березовыми и свежим вишняком по спине и по всему, что ни есть у казака? А может, так как вы сделались уже слишком разумные, так, может, и плетюганами пороли; чай, не только по субботам²⁷, а доставалось и в среду и в четверг?

– Нечего, батько, вспоминать, что было, – отвечал Остап, – что было, то прошло!

– Пусть теперь попробует! – сказал Андрий, – пускай теперь кто-нибудь только зацепит; вот пусть только подвернется теперь какая-нибудь татарва, будет знать она, что за вещь казацкая сабля!

– Добре, сынку! ей-богу, добре! Да когда на то пошло, то и я с вами еду! ей-богу, еду. Какого дьявола мне здесь ждать? чтоб я стал гречкосеем²⁸, домоводом, глядеть за овцами да за свиньями да бабиться с женой? Да пропади они: я казак, не хочу! Так что же, что нет войны? я так поеду с вами на Запорожье, погулять; ей-богу, поеду! – И старый Бульба мало-помалу горячился, горячился, наконец, рассердился совсем, встал из-за стола и, приосанившись, топнул ногою. – Завтра же едем! зачем откладывать? какого врага мы можем здесь высидеть? на что нам эта хата? к чему нам все это? на что эти горшки? – Сказавши это, он начал колотить и швырять горшки и фляжки.

Бедная старушка, привыкшая уже к таким поступкам своего мужа, печально глядела, сидя на лавке. Она не смела ничего говорить; но, услыша о таком страшном для нее решении, она не могла удержаться от слез; взглянула на детей своих, с которыми угрожала ей такая скорая разлука, – и никто бы не мог описать всей безмолвной силы ее горести, которая, казалось, трепетала в глазах ее и в судорожно сжатых губах.

Бульба был упрям страшно. Это был один из тех характеров, которые могли возникнуть только в тяжелый XV век на полукочующем углу Европы, когда вся южная первобытная Россия, оставленная своими князьями, была опустошена, выжжена дотла неукротимыми набегами монгольских хищников; когда, лишившись дома и кровли, стал здесь отважен человек; когда на пожарищах, в виду грозных соседей и вечной опасности, селился он и привыкал глядеть им прямо в очи, разучившись знать, существует ли какая боязнь на свете; когда бранным пламенем обьялся древле-мирный славянский дух и завелось казачество – широкая, разгульная замашка русской природы, и когда все поречья, перевозки, прибрежные пологие и удобные места усеялись казаками, которым и счету никто не ведал, и смелые товарищи их были вправе отвечать султану, пожелавшему знать о числе их: «Кто их знает! у нас их раскидано по всему степу: что байрак, то казак» (где маленький пригорок, там уж и казак). Это было, точно, необыкновенное явление русской силы: его вышибло из народной груди огниво бед²⁹. Вместо прежних

²⁵ *Ляхи* – старинное название поляков.

²⁶ *Архимандрит* – церковный сан, даваемый настоятелям монастырей и другим монашествующим, занимающим важные административные должности; здесь: начальник (ректор) Киевской академии.

²⁷ *...по субботам...* – Суббота – традиционный день порки в старых учебных заведениях. Телесные наказания применялись и в Нежинской гимназии высших наук, где учился Гоголь. Вероятно, в изображении жизни героев во второй главе сказались отчасти юношеские впечатления самого писателя, называвшего в шутку Нежинскую гимназию «бурсой».

²⁸ *Гречкосей*. – «...слово сие означает человека ленивого и нерадивого, вероятно, потому, что в Малороссии часто сеют гречику на том же самом поле, на котором была рожь, не вспахивая оно вновь, а только взборонив» (князь Цертелев. Опыт собрания старинных малороссийских песней. СПб., 1819. С. 60).

²⁹ *Это было, точно, необыкновенное явление русской силы: его вышибло из народной груди огниво бед.* – Гоголю, в частно-

уделов, мелких городков, наполненных псарями и ловчими, вместо враждующих и торгующих городами мелких князей возникли грозные селения, курени³⁰ и околицы³¹, связанные общей опасностью и ненавистью против нехристианских хищников. Уже известно всем из истории, как их вечная борьба и беспокойная жизнь спасли Европу от неукротимых набегов, грозивших ее опрокинуть. Короли польские, очутившиеся, наместо удельных князей, властителями этих пространств земель, хотя отдаленными и слабыми, поняли значение казаков и выгоды такой бранной, строптивой жизни. Они поощряли их и льстили этому расположению. Под их отдаленною властью гетманы, избранные из среды самих же казаков, преобразовали околицы и курени в полки и правильные округа³². Это не было строевое собранное войско, его бы никто не увидал; но в случае войны и общего движения, в восемь дней, не больше, всякий являлся на коне во всем своем вооружении, получа один только червонец платы от короля, и в две недели набиралось такое войско, какого бы не в силах были набрать никакие рекрутские наборы. Кончился поход – воин уходил в луга и пашни, на днепровские перевозы, ловил рыбу, торговал, варил пиво и был вольный казак. Современные иноземцы справедливо дивились³³ тогда необыкновенным способностям его. Не было ремесла, которого бы не знал казак: накурить вина, снарядить телегу, намолоть пороху, справить кузнецкую, слесарную работу и, в прибавку к тому, – гулять напропалую, пить и бражничать, как только может один русский, – все это было ему по плечу. Кроме рейстровых³⁴ казаков, считавших обязанностью являться во время войны, можно было во всякое время, в случае большой потребности, набрать целые толпы охочекомонных³⁵: стоило только есаулам пройти по рынкам и площадям всех сел и

сти, была известна речь одного из украинских представителей на польском сейме 1620 года, Л. Дервинского, по поводу притеснений православных со стороны униатов: «...Если бы, говорю, от нас исшедшие на нас не восстали, то таковые науки, таковые училища, толико достойные и ученые люди в народе Российском никогда бы не открылись. Учение в церквях наших было бы по-прежнему прахом нерадения покровенно» (Бантыш-Каменский Д. Н. Историческое известие о возникшей в Польше унии. М., 1805. С. 69). Позднее мысль об «огниве бед», пробуждающем спящие силы народа, Гоголь повторил в «Выбранных местах из переписки с друзьями», говоря о «ворвавшемся» в Россию в эпоху Петра I «европейском просвещении»: «...Европейское просвещение было огниво, которым следовало ударить по всей начинавшей дремать нашей массе... В эпоху Екатерины... на всех поприщах стали выказываться русские таланты... полководцы... государственные дельцы... ученые...» Это сближение Гоголем двух эпох русской истории, одинаково отмеченных западным влиянием, царствований Петра I и Екатерины II, и эпохи героических подвигов украинского казачества – дает возможность говорить об одном из вероятных прототипов главного героя повести – гоголевском земляке, екатерининском вельможе Дмитрие Прокофьевиче Трошинском (1754–1829). Потомок старого казацкого рода, выпускник Киевской духовной академии, сосед Гоголей по имени и их дальний родственник – Д. П. Трошинский своей незаурядной личностью и головокружительной карьерой (от армейского писаря до министра) еще в раннем детстве поразил воображение Гоголя. Тесное общение с семьей Трошинских, талантливыми представителями старинного казацкого рода, несомненно, не могло не отразиться в образах гоголевской эпопеи.

³⁰ *Курень* – «отделение военного стана запорожцев» (словарь «малороссийских слов...»), землячество; территориально-войсковое подразделение казаков (со слободами, селами и хуторами), часть сотни.

³¹ *Околица* – объединение нескольких окрестных селений, округа.

³² ...гетманы, избранные из среды самих же казаков, преобразовали околицы и курени в полки и правильные округа. – В первой редакции «Тараса Бульбы» Гоголь связывал военную реформу Малороссии с деятельностью польского короля (с 1576 года) Стефана Батория: «...Баторий устроил полки в Малороссии...» По замечанию В. П. Казарина, это соответствует повествованию Д. Н. Бантыш-Каменского в «Истории Малой России». Окончательная редакция основана на свидетельствах «Истории Русов» псевдо-Конисского, связывавшего военную реформу Малороссии с преобразованиями гетмана Ружинского, избранного из казачьей среды задолго до правления Батория. *Гетман* – в Польше и Великом княжестве Литовском главнокомандующий и военный министр (с начала XVI века). Предводители казацкого войска стали называться гетманами с 1570-х годов. Однако официально этот титул был дан польским правительством только в 1648 году Богдану Хмельницкому. *Полк* – на Украине XVI–XVIII веков территориально-войсковая единица, состоявшая из нескольких сотен (от 7 до 20).

³³ ...иноземцы... дивились... – Имеется в виду в первую очередь французский путешественник Г. де Боплан, выведенный Гоголем в шестой главе первой редакции повести и в седьмой и десятой главах второй редакции в образе «французского артиллериста и инженера», служившего в польских войсках (с 1631 по 1648 год Боплан служил в польской королевской армии в чине старшего капитана артиллерии и военного инженера). В своих заметках при чтении «Описания Украйны» Боплана (в рус. пер. СПб., 1832) Гоголь особо выделил универсальность ремесленных навыков казаков.

³⁴ *Рейстровые* (реестровые) *казаки* – часть украинского казачества, принятая в XVI – первой половине XVII века на службу польским правительством и внесенная в особый список – реестр. «Рейстровый казак – казак, записанный на службу» (словарь «малороссийских слов...»).

³⁵ *Охочекомонные* – иначе: компанейцы (компанейство – товарищество) – конные добровольцы, являвшиеся на своих

местечек и прокричать во весь голос, ставши на телегу: «Эй вы, пивники, броварники³⁶, полно вам пиво варить, да валяться по запечьям, да кормить своим жирным телом мух! Ступайте славы рыцарской и чести добиваться! Вы, плугари, гречкосеи, овцеводы, баболюбы, полно вам за плугом ходить да пачкать в земле свои желтые чоботы, да подбираться к жинкам и губить силу рыцарскую! пора доставать казацкой славы!» И слова эти были как искры, падающие на сухое дерево. Пахарь ломал свой плуг, бровары и пивовары кидали свои кадки и разбивали бочки, ремесленник и торгаш посылал к черту и ремесло и лавку, бил горшки в доме – и все, что ни было, садилось на коня. Словом, русский характер получил здесь могучий, широкий размах, крепкую наружность.

Тарас был один из числа коренных, старых полковников: весь был он создан для бранной тревоги и отличался грубой прямоотой своего нрава. Тогда влияние Польши начинало уже оказываться на русском дворянстве. Многие перенимали уже польские обычаи, заводили роскошь, великолепные прислуги, соколов, ловчих, обеды, дворы. Тарасу было это не по сердцу. Он любил простую жизнь казаков и перессорился с теми из своих товарищей, которые были наклонны к варшавской стороне, называя их холопьями польских панов. Вечно неугомонный, он считал себя законным защитником Православия. Самоуправно входил в села, где только жаловались на притеснения арендаторов и на прибавку новых пошлин с дыма³⁷. Сам с своими казаками производил над ними расправу и положил себе правилом, что в трех случаях всегда следует взяться за саблю, именно: когда комиссары³⁸ не уважали в чем старшин³⁹ и стояли перед ними в шапках, когда глумились над Православием и не чтили обычая предков и, наконец, когда враги были бусурманы и турки, против которых он считал во всяком случае позволительным поднять оружие во славу христианства. Теперь он тешил себя заранее мыслию, как он явится с двумя сыновьями своими в Сечь и скажет: «Вот посмотрите, каких я молодцов привел к вам!»; как представит их всем старым, закаленным в битвах товарищам; как поглядит на первые подвиги их в ратной науке и бражничестве, которое почиталось тоже одним из главных достоинств рыцаря. Он сначала хотел было отправить их одних; но при виде их свежести, рослости, могучей телесной красоты вспыхнул воинский дух его, и он на другой же день решился ехать с ними сам, хотя необходимостью этого была одна упрямая воля. Он уже хлопотал и отдавал приказы, выбирал коней и сбрую для молодых сыновей, навещивался и в конюшни и в амбары, отобрал слуг, которые должны были завтра с ними ехать. Есаулу Товкачу передал свою власть вместе с крепким наказом явиться сей же час со всем полком, если только он подаст из Сечи какую-нибудь весть. Хотя он был и навеселе и в голове его еще бродил хмель, однако ж не забыл ничего; даже отдал приказ напоить коней и всыпать им в ясли крупной и лучшей пшеницы, и пришел усталый от своих забот.

– Ну, дети, теперь надобно спать, а завтра будем делать то, что Бог даст. Да не стели нам постель! нам не нужна постель: мы будем спать на дворе.

Ночь еще только что обняла небо, но Бульба всегда ложился рано. Он развалился на ковре, накрылся бараньим тулупом, потому что ночной воздух был довольно свеж и потому что Бульба любил укрыться потеплее, когда был дома. Он вскоре захрапел, и за ним последовал весь двор; все, что ни лежало в разных его углах, захрапело и запело; прежде всего заснул сторож, потому что более всех напился для приезда паничей.

конях.

³⁶ *Броварники* (от нем. Brauer) – пивовары, винокуры. «Броварня (нем.) – пивоварня» («Лексикон малороссийский» в «Книге всякой всячины...»).

³⁷ *Пошлина с дыма* – налог с отдельного жилья, дома (с каждой дымовой трубы).

³⁸ *Комиссары* – польские сборщики налогов.

³⁹ *Старшины* – выборные должностные лица в украинском казачестве в XVI – XVIII веках: атаманы, есаулы, писари, судьи и др.

Одна бедная мать не спала; она приникла к изголовью дорогих сыновей своих, лежавших рядом; она расчесывала гребнем их молодые, небрежно всклокоченные кудри и смачивала их слезами; она глядела на них вся, глядела всеми чувствами, вся превратилась в одно зрение и не могла наглядеться. Она вскормила их собственной грудью; она возрастила, взлелеяла их – и только на один миг видит их перед собою! «Сыны мои, сыны мои милые! что будет с вами? что ждет вас?» – говорила она, и слезы остановились в морщинах, изменивших прекрасное когда-то лицо ее. В самом деле, она была жалка, как всякая женщина того удалого века. Она миг только жила любовью, только в первую горячку страсти, в первую горячку юности, и уже суровый прельститель ее покидал ее для сабли, для товарищей, для бражничества. Она видела мужа в год два-три дня, и потом несколько лет о нем не бывало слуху. Да и когда виделась с ним, когда они жили вместе, что за жизнь ее была? Она терпела оскорбления, даже побои; она видела ласки, оказываемые только из милости; она была какое-то странное существо в этом сборище безженных рыцарей, на которых разгульное Запорожье набрасывало суровый колорит свой. Молодость без наслаждения мелькнула перед нею, и ее прекрасные свежие щеки и перси без лобзаний отцвели и покрылись преждевременными морщинами. Вся любовь, все чувства, все, что есть нежного и страстного в женщине, все обратилось у нее в одно материнское чувство. Она с жаром, с страстью, со слезами, как степная чайка, вилась над детьми своими. Ее сыновей, ее милых сыновей берут от нее; берут для того, чтобы не увидеть их никогда! Кто знает, может быть, при первой битве татарин срубит им головы и она не будет знать, где лежат брошенные тела их, которые расклюет хищная подорожная птица, а за каждую каплю крови их она отдала бы себя всю. Рыдая, глядела она им в очи, когда всемогущий сон начинал уже смыкать их, и думала: «Авось-либо Бульба, проснувшись, отсрочит денька на два отъезд; может быть, он задумал оттого так скоро ехать, что много выпил».

Месяц с вышины неба давно уже озарял весь двор, наполненный спящими, густую кучу верб и высокий бурьян, в котором потонул частокол, окружавший двор. Она все сидела в головах милых сыновей своих, ни на минуту не сводила с них глаз и не думала о сне. Уже кони, чуя рассвет, все полегли на траву и перестали есть; верхние листья верб начали лепетать, и малопомалу лепечущая струя спустилась по ним до самого низу. Она просидела до света, вовсе не утомилась и внутренне желала, чтобы ночь протянулась как можно дольше. Со степи понеслось звонкое ржание жеребенка; красные полосы ясно сверкнули на небе.

Бульба вдруг проснулся и вскочил; он очень хорошо помнил все, что приказывал вчера.

– Ну, хлопцы, полно спать! пора, пора! Напойте коней! А где старá? (так он обыкновенно называл жену свою). Живее, стара, готовь нам есть: путь лежит великий!

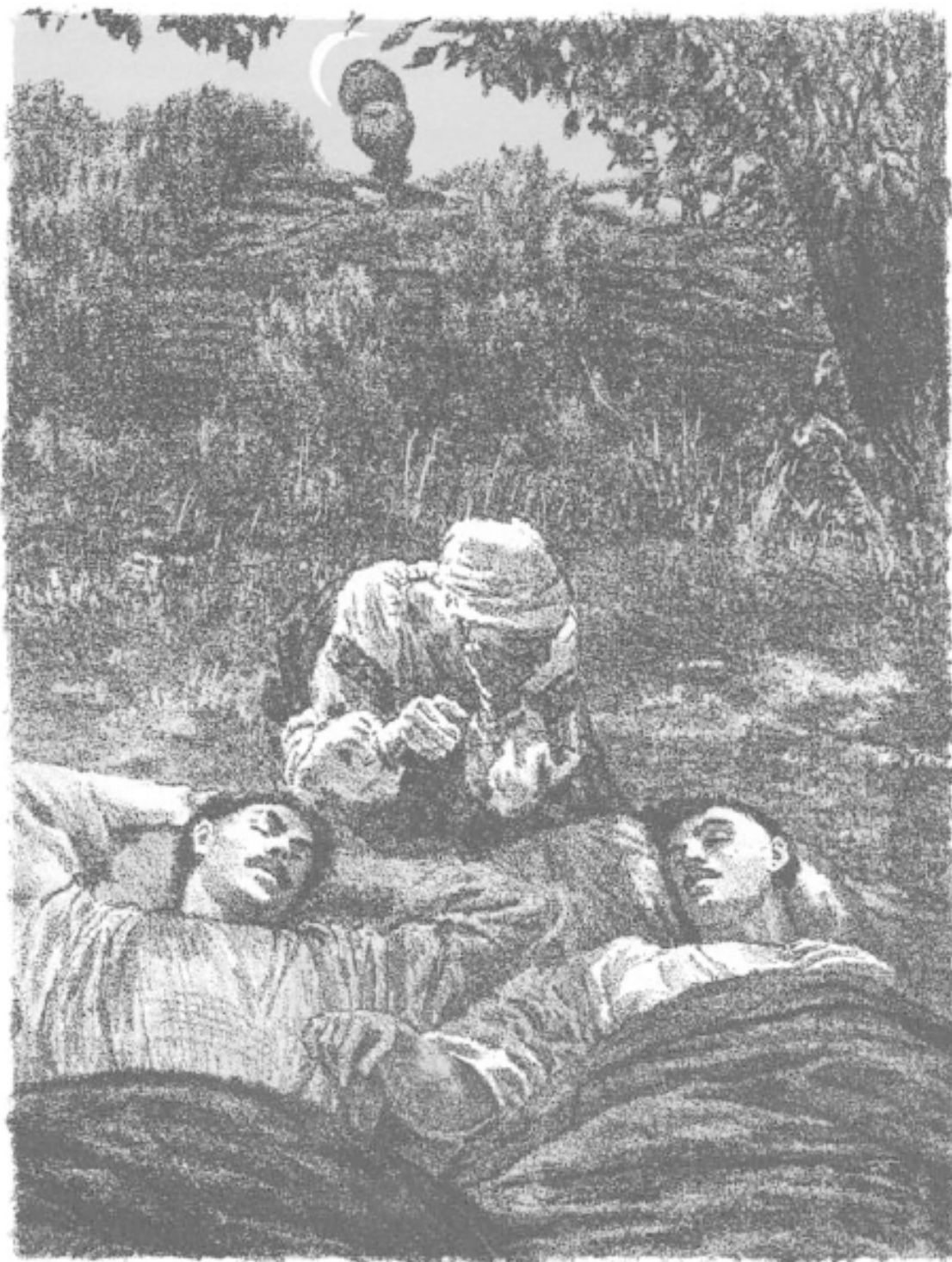
Бедная старушка, лишенная последней надежды, уныло поплелась в хату. Между тем как она со слезами готовила все, что нужно к завтраку, Бульба раздавал свои приказания, возился на конюшне и сам выбирал для детей своих лучшие убранства. Бурсаки вдруг преобразились; на них явились, вместо прежних запачканных сапогов, сафьянные красные с серебряными подковами; шаровары шириною в Черное море, с тысячью складок и со сборами, перетянулись золотым очкуром⁴⁰; к очкуру прицеплены были длинные ремешки, с кистями и прочими побрякушками для трубки. Казакин⁴¹ алого цвета, сукна яркого, как огонь, опоясался узорчатым поясом⁴²; чеканные турецкие пистолеты были засунуты за пояс; сабля брякала по ногам. Их лица, еще мало загоревшие, казалось, похорошели и побелели; молодые черные усы теперь как-то ярче оттеняли белизну их и здоровый, мощный цвет юности; они были хороши под чер-

⁴⁰ *Очку́р* – «шнурок, которым стягиваются шаровары» (словарь «малороссийских слов...»).

⁴¹ *Казаки́н* – полукафтан на крючках с мелкими сборками и стоячим воротником.

⁴² *...узорчатым поясом...* – Длинный нарядный шелковый или шерстяной, порой затканый серебром или золотом пояс являлся на Украине одним из предметов щегольства. Были пояса зимние и летние, для праздников и погребальных обрядов и др.

ными бараньими шапками с золотым верхом. Бедная мать, как увидела их, и слова не могла промолвить, и слезы остановились в глазах ее.

Одна бедная мать не спала; она приникла к изголовью дорогих сыновей своих, лежавших рядом; она расчесывала гребнем их молодые, небрежно всклоченные кудри и смачивала их слезами...

– Ну, сыны, все готово! нечего мешкать! – произнес, наконец, Бульба. – Теперь, по обычаю христианскому, нужно перед дорогою всем присесть.

Все сели, не выключая даже и хлопцев, стоявших почтительно у дверей.

– Теперь благослови, мать, детей своих! – сказал Бульба, – моли Бога, чтобы они воевали храбро, защищали бы всегда честь рыцарскую⁴³, чтобы стояли всегда за веру Христову, а не то пусть лучше пропадут, чтобы и духу их не было на свете! Подойдите, дети, к матери: молитва материнская и на воде и на земле спасает!

Мать, слабая как мать, обняла их, вынула две небольшие иконы, надела им, рыдая, на шею.

– Пусть хранит вас... Божья Матерь... не забывают, сынки, мать вашу... пришлите хоть весточку о себе... – далее она не могла говорить.

– Ну, пойдем, дети! – сказал Бульба.

У крыльца стояли оседланные кони. Бульба вскочил на своего Черта, который бешено отшатнулся, почувствовав на себе двадцатипудовое бремя, потому что Тарас был чрезвычайно тяжел и толст.

Когда увидела мать, что уже и сыны ее сели на коней, она кинулась к меньшому, у которого в чертах лица выражалось более какой-то нежности; она схватила его за стремя, она прилипла к седлу его и с отчаяньем в глазах не выпускала его из рук своих. Два дюжих казака взяли ее бережно и унесли в хату. Но когда выехали они за ворота, со всею легкостью дикой козы, несообразно летам, выбежала она за ворота, с непостижимой силою остановила лошадь и обняла одного из сыновей с какою-то помешанною, бесчувственной горячностью; ее опять увели.

Молодые казаки ехали смутно⁴⁴ и удерживали слезы, боясь отца, который, с своей стороны, был тоже несколько смущен, хотя старался этого не показывать. День был серый; зелень сверкала ярко; птицы щебетали как-то вразлад. Они, проехавши, оглянулись назад: хутор их как будто ушел в землю; только видны были над землей две трубы скромного их домика, да вершины деревьев, по сучьям которых они лазили, как белки; еще стлался перед ними тот луг, по которому они могли припомнить всю историю своей жизни, от лет, когда валялись по росистой траве его, до лет, когда поджидали на нем чернобровую казачку, боязливо перелетавшую через него с помощью своих свежих, быстрых ног. Вот уже один только шест над колодцем с привязанным вверху колесом от телеги одиноко торчит в небе; уже равнина, которую они проехали, кажется издали горою и все собою закрыла... Прощайте и детство, и игры, и все, и все!

---

⁴³ Рыцарскую.

⁴⁴ *Смутно* – грустно, печально.

II

Все три всадника ехали молчаливо. Старый Тарас думал о давнем: перед ним проходила его молодость, его лета, его протекшие лета, о которых всегда плачет казак, желавший бы, чтобы вся жизнь его была молодость. Он думал о том, кого он встретит на Сечи из своих прежних сотоварищей. Он вычислял, какие уже перемерли, какие живут еще. Слеза тихо круглилась на его зенице, и поседевшая голова его уныло понурилась.

Сыновья его были заняты другими мыслями. Но нужно сказать поболее о сыновьях его. Они были отданы по двенадцатому году в Киевскую академию, потому что все почетные сановники тогдашнего времени считали необходимостью дать воспитание своим детям, хотя это делалось с тем, чтобы после совершенно позабыть его. Они тогда были, как все поступавшие в бурсу, дики, воспитаны на свободе, и там уже обыкновенно они несколько шлифовались и получали что-то общее, делавшее их похожими друг на друга. Старший, Остап, начал с того свое поприще, что в первый еще год бежал. Его возвратили, высекли страшно и засадили за книгу. Четыре раза закапывал он свой букварь в землю, и четыре раза, отодравши его бесчеловечно, покупали ему новый. Но без сомнения, он повторил бы и в пятый, если бы отец не дал ему торжественного обещания продержать его в монастырских služках⁴⁵ целые двадцать лет и не поклялся наперед, что он не увидит Запорожья вовеки, если не выучится в академии всем наукам. Любопытно, что это говорил тот же самый Тарас Бульба, который бранил всю ученость⁴⁶ и советовал, как мы уже видели, детям вовсе не заниматься ею. С этого времени Остап

---

⁴⁵ *Монастырский служба* – послушник, собирающийся стать монахом и прислуживающий в монастыре.

⁴⁶ ...говорил тот же самый Тарас Бульба, который бранил всю ученость... – Согласно заключительным строкам статьи Гоголя «Взгляд на составление Малороссии», в украинском народе «стремление к развитию и усовершенствованию» сочеталось «с желанием казаться пренебрегающим всякое совершенствование». С другой стороны, в осуждении Тарасом современной ему «науки» заключен и определенный исторический подтекст. По замыслу Гоголя, герой отрицательно относится не к науке вообще, но лишь к «тогдашнему роду ученья». Это отношение героя (и автора) непосредственно связано с общим противокатолическим замыслом повести. При известном господствующем влиянии в духовных училищах Южной России в XVI и XVII веках католической «школьной» схоластики (которую Тарас называет презрительно «философией», а рассказчик ото-

начал с необыкновенным старанием сидеть за скучною книгою и скоро стал наряду с лучшими. Тогдашний род учения страшно расходился с образом жизни: эти схоластические, грамматические, риторические и логические тонкости решительно не прикасались ко времени, никогда не применялись и не повторялись в жизни. Учившиеся им ни к чему не могли привязать своих познаний, хотя бы даже менее схоластических. Самые тогдашние ученые более других были невежды, потому что вовсе были удалены от опыта. Притом же это республиканское устройство бурсы, это ужасное множество молодых, дюжих, здоровых людей – все это должно было им внушить деятельность совершенно вне их учебного занятия. Иногда плохое содержание, иногда частые наказания голодом, иногда многие потребности, возбуждающиеся в свежем, здоровом, крепком юноше, – все это, соединившись, рождало в них ту предприимчивость, которая после развивалась на Запорожье. Голодная бурса рыскала по улицам Киева и заставляла всех быть осторожными. Торговки, сидевшие на базаре, всегда закрывали руками своими пироги, бублики, семечки из тыкв, как орлицы детей своих, если только видели проходившего бурсака. Консул⁴⁷, долженствовавший, по обязанности своей, наблюдать над подведомственными ему сотоварищами, имел такие страшные карманы в своих шароварах, что мог поместить туда всю лавку заезжавшейся торговли. Эти бурсаки составляли совершенно отдельный мир: в круг высший, состоявший из польских и русских дворян, они не допускались. Сам воевода, Адам Кисель⁴⁸, несмотря на оказываемое покровительство академии, не вводил их в общество и приказывал держать их поостроже. Впрочем, это наставление было вовсе излишне, потому что ректор и профессоры-монахи не жалели лоз и плетей, и часто ликторы⁴⁹ по их приказанию поролли своих консулов так жестоко, что те несколько недель почесывали свои шаровары. Многим из них это было вовсе ничего и казалось немного чем крепче хорошей водки с перцем; другим, наконец, сильно надоедали такие беспрестанные припарки, и они убегали на Запорожье, если умели найти дорогу и если не были перехватываемы на пути. Остап Бульба, несмотря на то что начал с большим старанием учить логику и даже богословие, никак не избавлялся неумолимых розог. Естественно, что все это должно было как-то ожесточить характер и сообщить ему твердость, всегда отличавшую казаков. Остап считался всегда одним из лучших товарищей. Он редко предводительствовал другими в дерзких предприятиях – обобрать чужой сад или огород, но зато он был всегда одним из первых, приходивших под знамена предприимчивого бурсака, и никогда, ни в каком случае, не выдавал своих товарищей; никакие плети и розги не могли заставить его это сделать. Он был суров к другим побуждениям, кроме войны и разгульной пирушки; по крайней мере никогда почти о другом не думал. Он был прямодушен с равными. Он имел доброту в таком виде, в каком она могла только существовать при таком характере и в тогдашнее время. Он душевно был тронут слезами бедной матери, и это одно только его смущало и заставляло задумчиво опустить голову.

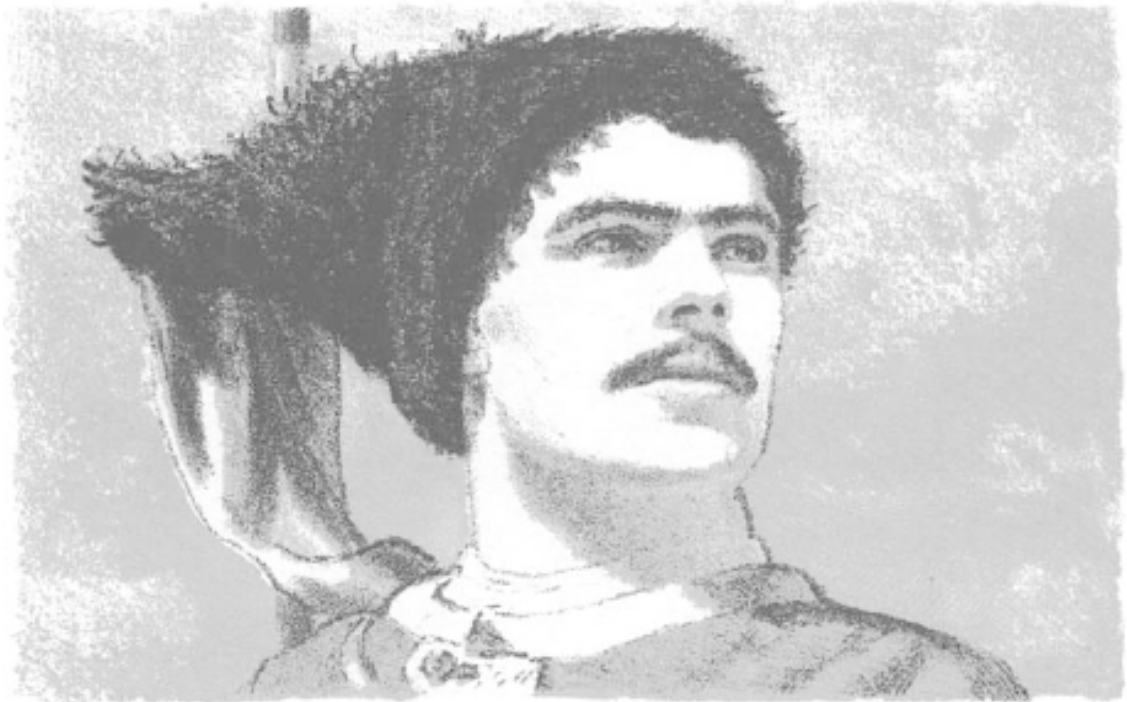

рванными «от опыта» и современности «схоластическими, грамматическими, риторическими и логическими тонкостями») пренебрежение Бульбы к школьной выучке его сыновей указывает на понимание относительной ценности подобных «тонкостей», а не на недостаток «образованности».

⁴⁷ *Консул* – старший из бурсаков (от названия высшей административной должности в Древнем Риме).

⁴⁸ *Кисель* Адам Григорьевич (1580–1653) – украинский магнат и политический деятель, сторонник польско-шляхетского господства на Украине. Представлял интересы польского правительства на переговорах с восставшими казаками Богдана Хмельницкого. В 1652 году бежал из Киева в Польшу.

⁴⁹ *Ликтор* – помощник консула в бурсе (от названия почетной стражи консулов в Древнем Риме).

Меньшой брат его, Андрий, имел чувства несколько живее и как-то более развитые. Он учился охотнее и без напряжения, с каким обыкновенно принимается тяжелый и сильный характер. Он был изобретательнее своего брата; чаще являлся предводителем довольно опасного предприятия и иногда, с помощью изобретательного ума своего, умел увертываться от наказания, тогда как брат его, Остап, отложивши всякое попечение, скидал с себя свитку и ложился на пол, вовсе не думая просить о помиловании. Он также кипел жаждою подвига, но вместе с нею душа его была доступна и другим чувствам. Потребность любви вспыхнула в нем живо, когда он перешел за восемнадцать лет; женщина чаще стала представляться горя-

чим мечтам его; он, слушая философские диспуты⁵⁰, видел ее поминутно, свежую, чернооую, нежную; пред ним беспрерывно мелькали ее сверкающие, упругие перси, нежная, прекрасная, вся обнаженная рука; самое платье, облипавшее вокруг ее девственных и вместе мощных членов, дышало в мечтах его каким-то невыразимым сладострастием. Он тщательно скрывал от своих товарищей эти движения страстной юношеской души, потому что в тогдашний век было стыдно и бесчестно думать казаку о женщине и любви, не отведав битвы. Вообще в последние годы он реже являлся предводителем какой-нибудь ватаги, но чаще бродил один где-нибудь в уединенном закоулке Киева, потопленном в вишневых садах, среди низеньких домиков, заманчиво глядевших на улицу. Иногда он забирался и в улицу аристократов, в нынешнем старом Киеве, где жили малороссийские и польские дворяне и где дома были выстроены с некоторою прихотливостию. Один раз, когда он зазевался, на него почти наехала колымага какого-то польского пана, и сидевший на козлах возница с престрашными усами хлыстнул его довольно исправно бичом. Молодой бурсак вскипел: с безумною смелостию схватил он мощною рукою своею за заднее колесо и остановил колымагу. Но кучер, опасаясь разделки, ударил по лошадям, они рванули – и Андрий, к счастью успевший отхватить руку, шлепнулся на землю прямо лицом в грязь. Самый звонкий и гармонический смех раздался над ним. Он поднял глаза и увидел стоявшую у окна красавицу, какой еще не видывал отроду: черноглазую и белую, как снег, озаренный утренним румянцем солнца. Она смеялась от всей души, и смех придавал сверкающую силу ее ослепительной красоте. Он оторопел. Он глядел на нее, совсем потерявшись, рассеянно обтирая с лица своего грязь, которою еще более замазывался. Кто бы была эта красавица? Он хотел было узнать от дворни, которая толпою, в богатом убранстве, стояла за воротами, окружив игравшего молодого бандуриста. Но дворня подняла смех, увидевши его запачканную рожу, и не удостоила его ответом. Наконец он узнал, что это была дочь приехавшего на время ковенского воеводы. В следующую же ночь, с свойственною одним бурсакам дерзостию, он пролез через частокол в сад, взлез на дерево, которое раскидывалось ветвями на самую крышу дома; с дерева перелез он на крышу и через трубу камина пробрался прямо в спальню красавицы, которая в это время сидела перед свечою и вынимала из ушей своих дорогие серьги. Прекрасная полячка так испугалась, увидевши вдруг перед собою незнакомого человека, что не могла произнести ни одного слова; но когда заметила, что бурсак стоял, потупив глаза и не смея от робости пошевелить рукою, когда узнала в нем того же самого, который хлопнулся перед ее глазами на улице, смех вновь овладел ею. Притом в чертах Андрия ничего не было страшного: он был очень хорош собою. Она от души смеялась и долго забавлялась над ним. Красавица была ветрена, как полячка; но глаза ее, глаза чудесные, пронзительно-ясные, бросали взгляд долгий, как постоянство. Бурсак не мог пошевелить рукою и был связан, как в мешке, когда дочь воеводы смело подошла к нему, надела ему на голову свою блистательную диадему, повесила на губы ему серьги и накинула на него кисейную прозрачную шемизетку с фестонами, вышитыми золотом⁵¹. Она убираала его и делала с ним тысячу разных глупостей с развязностию дитяти, которою отличаются ветреные полячки и которая повергла бедного бурсака в большее еще смущение. Он представлял смешную фигуру, раскрывши рот и глядя неподвижно в ее ослепительные очи. Раздавшийся в это время у дверей стук испугал ее. Она велела ему спрятаться под кровать, и, как только беспокойство прошло, кликнула свою горничную, пленную татарку, и дала ей приказание осторожно вывести его в сад и оттуда отправить через забор. Но на этот раз бурсак наш не так счастливо перебрался через забор: проснувшийся сторож хватил его порядочно по ногам, и собравшаяся дворня долго колотила

⁵⁰ *Философские диспуты*. – Имеются в виду устраивавшиеся в духовных учебных заведениях выступления учеников с докладами на латинском языке на ту или иную богословскую или философскую тему, после чего следовали критические замечания содокладчиков.

⁵¹ *Красавица была ветрена... накинула на него кисейную прозрачную шемизетку с фестонами, вышитыми золотом*. – Шемизетка (*фр.* chemisette) – кофта, блузка. Фестоны (*фр.* feston) – зубчатая кайма отделки.

его уже на улице, покамест быстрые ноги не спасли его. После этого проходить мимо дома было очень опасно, потому что дворня у воеводы была многочисленна. Он встретил ее еще раз в костеле: она заметила его и очень приятно усмехнулась, как давнему знакомому; он видел ее вскользь еще один раз, и после этого воевода ковенский⁵² скоро уехал, и вместо прекрасной черноглазой полячки выглядывало из окон какое-то толстое лицо. Вот о чем думал Андрий, повесив голову и потупив глаза в гриву коня своего.

А между тем степь уже давно приняла их всех в свои зеленые объятия, и высокая трава, обступивши, скрыла их, и только черные казачьи шапки одни мелькали между ее колосьями.

– Э, э! что же это вы, хлопцы, так притихли? – сказал, наконец, Бульба, очнувшись от своей задумчивости, – как будто какие-нибудь чернецы! Ну, разом все думки к нечистому! Берите в зубы люльки, да закурим, да пришпорим коней, да полетим так, чтобы и птица не утнулась за нами!

И казаки, пригнавшись к коням, пропали в траве. Уже и черных шапок нельзя было видеть; одна только струя сжимаемой травы показывала след их быстрого бега.

Солнце выглянуло давно на расчищенном небе и живительным, теплотворным светом своим облило степь. Все, что смутно и сонно было на душе у казаков, вмиг слетело; сердца их встрепенулись, как птицы.

Степь чем далее, тем становилась прекраснее. Тогда весь юг, все то пространство, которое составляет нынешнюю Новороссию⁵³, до самого Черного моря, было зеленою, девственною пустынею. Никогда плуг не проходил по неизмеримым волнам диких растений; одни только кони, скрывавшиеся в них, как в лесу, вытаптывали их. Ничего в природе не могло быть лучше: вся поверхность земли представлялась зелено-золотым океаном, по которому брызнули миллионы разных цветов. Сквозь тонкие, высокие стебли травы сквозили голубые, синие и лиловые волошки⁵⁴; желтый дрок⁵⁵ выскакивал вверх своею пирамидальною верхушкою; белая кашка зонтикообразными шапками пестрела на поверхности; занесенный Бог знает откуда колос пшеницы наливался в гуще. Под тонкими их корнями шныряли куропатки, вытянув свои шеи. Воздух был наполнен тысячею разных птичьих свистов. В небе неподвижно стояли ястребы, распластав свои крылья и неподвижно устремив глаза свои в траву. Крик двигавшейся в стороне тучи диких гусей отдавался Бог весть в каком дальнем озере. Из травы подымалась мерными взмахами чайка и роскошно купалась в синих волнах воздуха; вон она пропала в вышине и только мелькает одною черною точкою! вон она перевернулась крылами и блеснула перед солнцем!.. Черт вас возьми, степи, как вы хороши!..

Наши путешественники останавливались только на несколько минут для обеда, причем ехавший с ними отряд, состоявший из десяти казаков, слезал с лошадей, отвязывал деревянные баклажки с горелкою и тыквы, употребляемые вместо сосудов. Ели только хлеб с салом или коржи⁵⁶, пили только по одной чарке, единственно для подкрепления, потому что Тарас Бульба не позволял никогда напиваться в дороге, и продолжали путь до вечера.

Вечером вся степь совершенно переменялась: все пестрое пространство ее охватывалось последним ярким отблеском солнца и постепенно темнело, так что видно было, как тень перебегала по нем, и она становилась темно-зеленою; испарения подымались гуще; каждый цветок, каждая травка испускала амбру, и вся степь курилась благовонием. По небу, изголуба-темному,

⁵² *Ковенский воевода* – правитель Ковенской области (воеводства). Ковно – прежнее название литовского города Каунаса.<...>...

⁵³ *Новороссия*. – Имеется в виду южная степная часть Европейской России, примыкающая к Черному морю. Во времена Гоголя под этим названием обыкновенно объединяли Бессарабию, Херсонскую, Екатеринославскую, Таврическую губернии и землю Войска Донского. Вошла в состав России после многих войн с Турцией.

⁵⁴ *Волошки* – васильки.

⁵⁵ *Дрок* – степной кустарник с желтыми цветками.

⁵⁶ *Корж* – «сухая лепешка из пшеничной муки, часто с салом» (словарь «малороссийских слов...»).

как будто исполинскою кистью наляпаны были широкие полосы из розового золота; изредка белели клоками легкие и прозрачные облака, и самый свежий, обольстительный, как морские волны, ветерок едва колыхался по верхушкам травы и чуть дотрогивался до щек. Вся музыка, звучащая днем, утихала и сменялась другою. Пестрые суслики выпалзывали из нор своих, становились на задние лапки и оглашали степь свистом. Трещание кузнечиков становилось слышнее. Иногда слышался из какого-нибудь уединенного озера крик лебедя и, как серебро, отдавался в воздухе. Путешественники, остановившись среди полей, избирали ночлег, раскладывали огонь и ставили на него котел, в котором варили себе кулиш⁵⁷; пар отделялся и косвенно дымился на воздухе. Поужинав, казаки ложились спать, пустивши по траве спутанных коней своих. Они раскидывались на свитках. На них прямо глядели ночные звезды. Они слышали своим ухом весь бесчисленный мир насекомых, наполнявших траву, – весь их треск, свист, стрекотанье, – все это звучно раздавалось среди ночи, очищалось в свежем воздухе и убаюкивало дремлющий слух. Если же кто-нибудь из них подымался и вставал на время, то ему представлялась степь усеянная блестящими искрами светящихся червей⁵⁸. Иногда ночное небо в разных местах освещалось дальним заревом от выжигаемого по лугам и рекам сухого тростника, и темная вереница лебедей, летевших на север, вдруг освещалась серебряно-розовым светом, и тогда казалось, что красные платки летали по темному небу.

Путешественники ехали без всяких приключений. Нигде не попадались им деревья: все та же бесконечная, вольная, прекрасная степь. По временам только в стороне синели верхушки отдаленного леса, тянувшегося по берегам Днепра. Один только раз Тарас указал сыновьям на маленькую, черневшую в дальней траве точку, сказавши: «Смотрите, детки, вон скачет татарин!» Маленькая головка с усами устала издали прямо на них узенькие глаза свои, понюхала воздух, как гончая собака, и, как серна, пропала, увидевши, что казаков было тринадцать человек. «А ну, дети, попробуйте догнать татарина! и не пробуйте; вовеки не поймаете: у него конь быстрее моего Черта». Однако ж Бульба взял предосторожность, опасаясь где-нибудь скрывшейся засады. Они прискакали к небольшой речке, называвшейся Татаркою, впадающей в Днепр, кинулись в воду с конями своими и долго плыли по ней, чтобы скрыть свой след, и тогда уже, выбравшись на берег, они продолжали путь. Чрез три дня после этого они были уже недалеко от места, бывшего предметом их поездки. В воздухе вдруг заглохло: они почувствовали близость Днепра. Вот он сверкает вдаль и темною полосой отделился от горизонта. Он веял холодными волнами и расстилался ближе, ближе и, наконец, обхватил половину всей поверхности земли. Это было то место Днепра, где он, дотоле спертый порогами, брал наконец свое и шумел, как море, разлившись по воле, где брошенные в середину его острова вытесняли его еще далее из берегов и волны его стлались широко по земле, не встречая ни утесов, ни возвышений. Казаки сошли с коней своих, взошли на паром и через три часа плавания были уже у берегов острова Хортицы⁵⁹, где была тогда Сечь, так часто переменявшая свое жилище.

Куча народу бранилась на берегу с перевозчиками. Казаки оправили коней. Тарас приосанился, стянул на себе покрепче пояс и гордо провел рукою по усам. Молодые сыны его тоже осмотрели себя с ног до головы с каким-то страхом и неопределенным удовольствием, – и все вместе въехали в предместье, находившееся за полверсты от Сечи. При въезде их оглушили пятьдесят кузнечных молотов, ударявших в двадцати пяти кузницах, покрытых дерном и вырытых в земле. Сильные кожевники сидели под навесом крылец на улице и мяли своими дюжими руками бычачьи кожи; крамари⁶⁰ под ятками⁶¹ сидели с кучами кремней, огнивами

⁵⁷ *Кулиш* (кулеш) – жидкая каша с салом.

⁵⁸ *Светящиеся черви* – светлячки.

⁵⁹ *Хортица* – скалистый остров на Днепре напротив Александровска (ныне г. Запорожье). Гоголю, вероятно, было известно и собственное значение слова «хортица» – борзая собака.

⁶⁰ *Крамари* – мелочные торговцы, лавочники. «Крам – красный товар, був в краму – был в красных рядах» (из украинского словаря Гоголя-отца; Назаревский А. А. Из архива Головни // Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 1.

и порохом; армянин развесил дорогие платки; татарин ворочал на рожнах⁶² бараньи катки⁶³ с тестом; жид, выставив вперед свою голову, цедил из бочки горелку. Но первый, кто попался им навстречу, это был запорожец, спавший на самой середине дороги, раскинув руки и ноги. Тарас Бульба не мог не остановиться и не полюбоваться на него.

– Эх, как важно развернулся! Фу-ты, какая пышная фигура! – говорил он, остановивши коня.

В самом деле, это была картина довольно смелая: запорожец, как лев, растянулся на дороге; закинутый гордо чуб его захватывал на поларшина земли; шаровары алого дорогого сукна были запачканы дегтем для показания полного к ним презрения. Полюбовавшись, Бульба пробирался далее по тесной улице, которая была загромождена мастеровыми, тут же отправлявшими ремесло свое, и людьми всех наций, наполнявшими это предместье Сечи, которое было похоже на ярмарку и которое одевало и кормило Сечь, умевшую только гулять да палить из ружей.

Наконец они миновали предместье и увидели несколько разбросанных куреней, покрытых дерном или, по-татарски, войлоком. Иные уставлены были пушками. Нигде не видно было забора или тех низеньких домиков с навесами на низеньких деревянных столбиках, какие были в предместье. Небольшой вал и засека⁶⁴, не хранимые решительно никем, показывали страшную беспечность. Несколько дюжих запорожцев, лежавших с трубками в зубах на самой дороге, посмотрели на них довольно равнодушно и не сдвинулись с места. Тарас осторожно проехал с сыновьями между них, сказавши: «Здравствуйте, панове!» – «Здравствуйте и вы!» – отвечали запорожцы. Везде, по всему полю, живописными кучами пестрел народ. По смуглым лицам видно было, что все были закалены в битвах, испробовали всяких невзгод. Так вот она, Сечь! Вот то гнездо, откуда вылетают все те гордые и крепкие, как львы! вот откуда разливается воля и казачество на всю Украину!

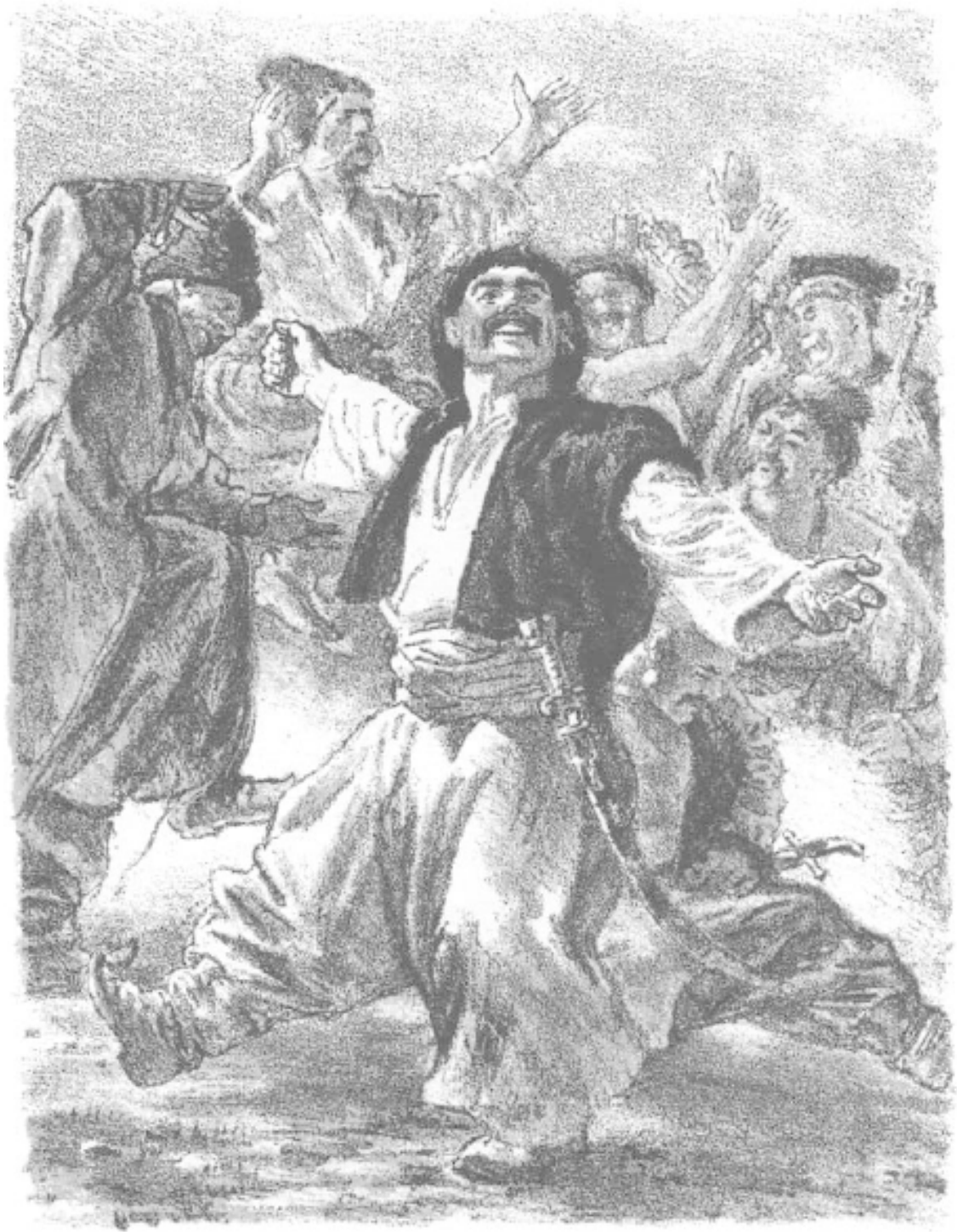
С. 327).

⁶¹ *Ятка* – род палатки или шатра.

⁶² *Рожны́* – вертелы.

⁶³ *Бараньи катки* – куски бараньего мяса.

⁶⁴ *Заса́ка* – оборонительное сооружение в виде заграждения из деревьев, поваленных крест-накрест вершинами в сторону неприятеля. Известны на Руси с XIII века.

Им опять перегородила дорогу целая толпа музыкантов, в середине которых отплясывал молодой запорожец, заломивши шапку чертом и вскинувши руками.

Путники выехали на обширную площадь, где обыкновенно собиралась рада⁶⁵. На большой опрокинутой бочке сидел запорожец без рубашки; он держал ее в руках и медленно зашивал на ней дыры. Им опять перегородила дорогу целая толпа музыкантов, в середине которых отплясывал молодой запорожец, заломивши шапку чертом и вскинувши руками. Он кричал только: «Живее играйте, музыканты! не желей, Фома, горелки православным христианам!» И

---

⁶⁵ Рада – совет.

Фома, с подбитым глазом, мерял без счету каждому пристававшему по огромнейшей кружке. Около молодого запорожца четверо старых выработывали довольно мелко ногами, вскидывались, как вихорь, на сторону, почти на голову музыкантам, и вдруг, опустившись, неслись вприпрыжку и били круто и крепко своими серебряными подковами плотно убитую землю. Земля глухо гудела на всю округность, и в воздухе далече отдавались гопаки⁶⁶ и тропакки, выбиваемые звонкими подковами сапогов. Но один всех живее вскрикивал и летел вслед за другими в танце. Чуприна⁶⁷ развевалась по ветру, вся открыта была сильная грудь; теплый зимний кожаный был надет в рукава, и пот градом лил с него, как из ведра. «Да сними хоть кожаный! – сказал, наконец, Тарас, – видишь, как парит!» – «Не можно!» – кричал запорожец. «Отчего?» – «Не можно; у меня уж такой нрав: что скину, то пропью». А шапки уж давно не было на молодце, ни пояса на кафтане, ни шитого платка: все пошло куда следует. Толпа росла; к танцующим приставали другие, и нельзя было видеть без внутреннего движения, как все отдирало танец самый вольный, самый бешеный, какой только видел когда-либо свет и который, по своим мощным изобретателям, назван казачком.

– Эх, если бы не конь! – вскрикнул Тарас, – пустился бы, право, пустился бы сам в танец!

А между тем в народе стали попадаться и уважаемые по заслугам всею Сечью, седые, старые чубы, бывавшие не раз старшинами. Тарас скоро встретил множество знакомых лиц. Остап и Андрий слышали только приветствия: «А, это ты, Печерица⁶⁸! Здравствуй, Козолуп!» – «Откуда Бог несет тебя, Тарас?» – «Ты как сюда зашел, Долото? Здорово, Кирдяга! Здорово, Густый⁶⁹! Думал ли я видеть тебя, Ремень?» И витязи, собравшиеся со всего разгульного мира восточной России, целовались взаимно, и тут понеслись вопросы: «А что Касьян? что Бородавка? что Колопер? что Пидсыток⁷⁰?» И слышал только в ответ Тарас Бульба, что Бородавка повешен в Толопане⁷¹, что с Колопера содрали кожу под Кизикирменом, что Пидсыткова голова посолена в бочке и отправлена в самый Царьград. Понурил голову старый Бульба и раздумчиво говорил: «Добрые были казаки!»

⁶⁶ *Гопа́к* (от *укр.* «гопати» – прыгать, скакать) и *тропа́к* (от *укр.* «тропати» – топать, притопывать) – украинские народные танцы импровизационного характера. Гопак возник в запорожском войске.

⁶⁷ *Чупри́на* – чуб, длинный клочок волос на голове.

⁶⁸ *Печери́ца* – шампиньон; старый толстый человек.

⁶⁹ *Густи́й* – густой, плотный, сильный.

⁷⁰ *Пидсы́ток* – нечастое сито.

⁷¹ *Толопан*, *Кизикирмен* – населенные пункты на Черноморском побережье Турции.

III

Уже около недели Тарас Бульба жил с сыновьями своими на Сечи. Остап и Андрий мало занимались военною школою. Сечь не любила затруднять себя военными упражнениями и терять время; юношество воспитывалось и образовывалось в ней одним опытом, в самом пылу битв, которые оттого были почти непрерывны. Казаки почитали скучным занимать промежутки изучением какой-нибудь дисциплины, кроме разве стрельбы в цель да изредка конной скачки и гоньбы за зверем в степях и лугах; все прочее время отдавалось гульбе – признаку широкого размета душевной воли. Вся Сечь представляла необыкновенное явление: это было какое-то непрерывное пиршество, бал, начавшийся шумно и потерявший конец свой. Некоторые занимались ремеслами, иные держали лавочки и торговали, но большая часть гуляла с утра до вечера, если в карманах звучала возможность и добытое добро не перешло еще в руки торгашей и шинкарей⁷². Это общее пиршество имело в себе что-то околдовывающее. Оно не было сборищем бражников, напивавшихся с горя, но было просто бешеное разгулье веселости. Всякий приходящий сюда позабывал и бросал все, что дотоле его занимало. Он, можно сказать, плевал на свое прошедшее и беззаботно предавался воле и товариществу таких же, как сам, гуляк, не имевших ни родных, ни угла, ни семейства, кроме вольного неба и вечного пира души своей. Это производило ту бешеную веселость, которая не могла бы родиться ни из какого другого источника. Рассказы и болтовня среди собравшейся толпы, лениво отдыхавшей на земле, часто так были смешны и дышали такою силою живого рассказа, что нужно было иметь всю хладнокровную наружность запорожца, чтобы сохранять неподвижное выражение лица, не моргнув даже усом, – резкая черта, которою отличается доньне от других братьев своих южный россиянин. Веселость была пьяна, шумна, но при всем том это не был черный кабак, где мрачно-искажающим весельем забывается человек; это был тесный круг школьных товарищей. Разница была только в том, что вместо сидения за указкой и пошлых толков учителя они производили набег на пяти тысячах коней; вместо луга, где играют в мяч⁷³, у них были

---

⁷² *Шинкарь* – содержатель шинка, кабака.

⁷³ *...играют в мяч...* – Вероятно, имеется в виду игра в «свиньи», описание которой было прислано Гоголю матерью 2 июля 1829 года в ответ на его просьбу в письме от 22 мая: «*В свиньи* (в свинки, в городки). На убитой и твердой земле становятся

неохраняемые, беспечные границы, в виду которых татарин выказывал быструю свою голову и неподвижно, сурово глядел турок в зеленой чалме своей. Разница та, что вместо насильной воли, соединившей их в школе, они сами собою кинули отцов и матерей и бежали из родительских домов; что здесь были те, у которых уже моталась около шеи веревка и которые вместо бледной смерти увидели жизнь, и жизнь во всем разгуле; что здесь были те, которые, по благородному обычаю, не могли удержать в кармане своем копейки; что здесь были те, которые дотолпе червонец считали богатством, у которых, по милости арендаторов-жидов, карманы можно было выворотить без всякого опасения что-нибудь выронить. Здесь были все бурсаки, не вытерпевшие академических лоз и не вынесшие из школы ни одной буквы; но вместе с ними здесь были и те, которые знали, что такое Гораций, Цицерон и Римская республика. Тут было много тех офицеров, которые потом отличались в королевских войсках; тут было множество образовавшихся опытных партизанов⁷⁴, которые имели благородное убеждение мыслить, что все равно, где бы ни воевать, только бы воевать, потому что неприлично благородному человеку быть без битвы. Много было и таких, которые пришли на Сечь с тем, чтобы потом сказать, что они были на Сечи и уже закаленные рыцари. Но кого тут не было? Эта странная республика была именно потребностию того века. Охотники до военной жизни, до золотых кубков, богатых парчей, дукатов и реалов⁷⁵ во всякое время могли найти здесь работу. Одни только обожатели женщин не могли найти здесь ничего, потому что даже в предместье Сечи не смела показываться ни одна женщина⁷⁶. Остапу и Андрию казалось чрезвычайно странным, что при них же приходила на Сечь бездна народу, и хоть бы кто-нибудь спросил: откуда эти люди, кто они и как их зовут? Они приходили сюда, как будто бы возвращаясь в свой собственный дом, откуда только за час перед тем вышли. Пришедший являлся только к кошевому⁷⁷, который обыкновенно говорил:

– Здравствуй! во Христа веруешь?

– Верую! – отвечал приходивший.

– И в Троицу Святую веруешь?

– Верую!

– И в церковь ходишь?

– Хожу.

– А ну, перекрестись!

Пришедший крестился.

– Ну, хорошо, – отвечал кошевой, – ступай же в который сам знаешь курень.

Этим оканчивалась вся церемония. И вся Сечь молилась в одной церкви и готова была защищать ее до последней капли крови, хотя и слышать не хотела о посте и воздержании. Только побуждаемые сильною корыстию жида, армяне и татары осмеливались жить и торговать в предместье⁷⁸, потому что запорожцы никогда не любили торговаться, а сколько рука

в кружок; каждый перед собою имеет ямку, в которую тыкают концом палки. Посередине круга находится ямка, немного поболее, в которую находящийся вне круга гонит по земле палкою же мяч; стоящие в кругу стараются не допускать его к тому, но, отбивая палкою, всякой должен тотчас уткнуть палку снова в свое место; в противном случае пасущий свинью (гонящий мяч) овладевает местом, ставя в нее свою палку, а оплошный принужден вместо его гонять мяч» (гоголевская «Книга всякой всячины...»).

⁷⁴ *Партизан* – здесь: «приверженник, последователь» (гоголевский «объяснительный словарь» русского языка); сторонник какой-либо партии.

⁷⁵ *Дукаты и реалы* – старинные венецианские и испанские золотые монеты.

⁷⁶ ...даже в предместье Сечи не смела показываться ни одна женщина. – За введение женщины на Сечь полагалась смертная казнь.

⁷⁷ *Кошевой* (от слова «кош» – казачий лагерь, стан) – атаман запорожского войска, избиравшийся сечевой радой обычно сроком на один год.

⁷⁸ *Только побуждаемые сильною корыстию... осмеливались жить и торговать в предместье...* – Ср. объяснение «Коммерческого словаря» гоголевской «Книги всякой всячины...»: «*Торговля газардная*, наудачу ссужать деньгами отправляющеся за море с условием, что если отправляющийся благополучно возвратится, то сумму должен отдать обратно с большими

вынула из кармана денег, столько и платили. Впрочем, участь этих корыстолюбивых торгашей была очень жалка: они походили на тех, которые селились у подошвы Везувия, потому что, как только у запорожцев нестало денег, то удалые разбивали их лавочки и брали всегда даром. Сечь состояла из шестидесяти с лишком куреней⁷⁹, которые очень похожи были на отдельные, независимые республики, а еще более на школу и бурсу детей, живущих на всем готовом. Никто ничем не заводился и ничего не держал у себя; все было на руках у куренного атамана, который за это обыкновенно носил название «батьки». У него были на руках деньги, платья, весь харч, саламата⁸⁰, каша и даже топливо; ему отдавали деньги под сохран. Нередко происходила ссора у куреней с куренями: в таком случае дело тот же час доходило до драки. Курени покрывали площадь и кулаками ломали друг другу бока, покамест одни не пересиливали наконец и не брали верх, и тогда начиналась гуляня. Такова была эта Сечь, имевшая столько приманок для молодых людей.

Остап и Андрий кинулись со всею пылкостью юношей в это разгульное море и забыли вмиг и отцовский дом, и бурсу, и все, что волновало прежде душу, и предалися новой жизни. Все занимало их: разгульные обычаи Сечи, и немногосложная управа, и законы, которые казались им даже слишком строгими среди такой своевольной республики. Если казак проворовался, украл какую-нибудь безделицу, это считалось уже поношением всему казачеству: его, как бесчестного, привязывали к позорному столбу и клали возле него дубину, которою всякий проходящий обязан был нанести ему удар, пока таким образом не забивали его до смерти. Не платившего должника приковывали цепью к пушке, где должен был он сидеть до тех пор, пока кто-нибудь из товарищей не решался его выкупить, заплативши за него долг. Но более всего произвела впечатление на Андрия страшная казнь, определенная за смертоубийство. Тут же, при нем, вырыли яму, опустили туда живого убийцу и сверх него поставили гроб, заключавший тело им убиенного, и потом обоих засыпали землею. Долго потом все чудился ему страшный обряд казни и все представлялся этот заживо засыпанный человек вместе с ужасным гробом.

процентами, а если корабль потонет, то и самый долг уничтожен. Так же называется и всякое предприятие, сопровождаемое опасностью». Газард – риск, рискованное предприятие, азарт.

⁷⁹ *Сечь состояла из шестидесяти с лишком куреней...* – Называемое Гоголем число казачьих куреней на Сечи – «шестьдесят с лишком» – вместо реального (и хорошо известного писателю по источникам) – 38 призвано указывать на число российских губерний во времена Гоголя – шестьдесят четыре (см. коммент. в изд.: Гоголь Н. В. Собр. соч.: в 9 т. Т. 2. С. 453–454).

⁸⁰ *Саламата* – толокно.

Ему не по душе была такая праздная жизнь – настоящего дела хотел он. Он все придумывал, как бы поднять Сечь на отважное предприятие, где бы можно было разгуляться как следует рыцарю...

Скоро оба молодые казака стали на хорошем счету у казаков. Часто вместе с другими товарищами своего куреня, а иногда со всем куренем и с соседними куренями выступали они в степи для стрельбы несметного числа всех возможных степных птиц, оленей и коз, или же выходили на озера, реки и протоки, отведенные по жребию каждому куреню, закидывать

невода, сети и тащить богатые тони⁸¹ на продовольствие всего куреня. Хотя и не было тут науки, на которой пробуетесь казак, но они стали уже заметны между другими молодыми прямою удалью и удачливостью во всем. Бойко и метко стреляли в цель, переплывали Днепр против течения – дело, за которое новичок принимался торжественно в казацкие круги.

Но старый Тарас готовил им другую деятельность. Ему не по душе была такая праздная жизнь – настоящего дела хотел он. Он все придумывал, как бы поднять Сечь на отважное предприятие, где бы можно было разгуляться как следует рыцарю; наконец в один день пришел к кошевому и сказал ему прямо:

– Что, кошевой? пора бы погулять запорожцам.

– Негде погулять, – отвечал кошевой, вынувши изо рта маленькую трубку и сплюнув на сторону.

– Как негде? можно пойти на турешину или на татарву⁸².

– Не можно ни в турешину, ни на татарву, – отвечал кошевой, взявши опять хладнокровно в рот свою трубку.

– Как не можно?

– Так; мы обещали султану мир.

– Да ведь он бусурман: и Бог и Святое Писание велит бить бусурманов⁸³.

– Не имеем права. Если б не клялись еще нашею верою, то, может быть, и можно было бы; а теперь нет, не можно.

– Как не можно? Как же ты говоришь: не имеем права? Вот у меня два сына, оба молодые люди. Еще ни разу ни тот, ни другой не был на войне, а ты говоришь – не имеем права; а ты говоришь – не нужно идти запорожцам.

– Ну, уж не следует так.

– Так, стало быть, следует, чтобы пропадала даром казацкая сила, чтобы человек сгинул, как собака, без доброго дела, чтобы ни отчизне, ни всему христианству не было от него никакой пользы? Так на что же мы живем, на какого черта мы живем? растолкуй ты мне это. Ты человек умный, тебя недаром выбрали в кошевые, растолкуй мне, на что мы живем?

Кошевой не дал ответа на этот вопрос. Это был упрямый казак. Он немного помолчал и потом сказал:

– А войне все-таки не бывать.

– Так не бывать войне? – спросил опять Тарас.

– Нет.

– Так уж и думать об этом нечего?

– И думать об этом нечего.

«Постой же ты, чертов кулак! – сказал Бульба про себя, – ты у меня будешь знать!» И положил тут же отомстить кошевому.

Сговорившись с тем и другим, задал он всем попойку, и хмельные казаки в числе нескольких человек повалили прямо на площадь, где стояли привязанные к столбу литавры, в которые обыкновенно били сбор на раду; не нашедши палок, хранившихся всегда у довиши⁸⁴, они схватили по полену в руки и начали колотить в них. На бой прежде всего прибежал довиш, высокий человек с одним только глазом, однако ж, несмотря на то, страшно заспанным.

⁸¹ *То́ни* – неводы с уловом.

⁸² *Татарва*. – Имеется в виду Крымское татарское ханство.

⁸³ ...и Бог и Святое Писание велит бить бусурманов. <...> Вот у меня два сына, оба молодые люди. Еще ни тот, ни другой не был на войне... – В первой редакции повести вместо последней фразы было: «...им нужно приучиться и узнать, что такое война...» Имеется в виду начало третьей главы Книги Судей Израилевых: «Вот... народы, которых оставил Господь, чтобы искушать ими Израильян, всех, которые не знали о всех войнах Ханаанских, – для того только, чтобы знали и учились войне последующие роды сынов Израилевых...»

⁸⁴ *Довбиш* – литавщик.

– Кто смеет бить в литавры? – закричал он.

– Молчи! возьми свои палки, да и колоти, когда тебе велят! – отвечали подгулявшие старшины.

Довбиш вынул тотчас из кармана палки, которые он взял с собою, очень хорошо зная окончание подобных происшествий. Литавры грянули, – и скоро на площадь, как шмели, стали собираться черные кучи запорожцев. Все собрались в кружок, и после третьего боя показались, наконец, старшины: кошевой с палицей⁸⁵ в руке, знаком своего достоинства, судья с войсковою печатью, писарь с чернильницею и есаул с жезлом⁸⁶. Кошевой и старшины сняли шапки и раскланялись на все стороны казакам, которые гордо стояли, подпершись руками в бока.

– Что значит это собрание, чего хотите, панове? – сказал кошевой. Брань и крики не дали ему говорить.

– Клади палицу! клади, чертов сын, сей же час палицу! не хотим тебя больше! – кричали из толпы казаки.

Некоторые из трезвых куреней хотели, как казалось, противиться; но курени, и пьяные и трезвые, пошли на кулаки. Крик и шум сделались общими.

Кошевой хотел было говорить, но, зная, что разъярившаяся, своевольная толпа может за это прибить его насмерть, что всегда почти бывает в подобных случаях, поклонился очень низко, положил палицу и скрылся в толпе.

– Прикажете, панове, и нам положить знаки достоинства? – сказали судья, писарь и есаул и готовились тут же положить чернильницу, войсковую печать и жезл.

– Нет, вы оставайтесь, – закричали из толпы, – нам нужно было только прогнать кошевого, потому что он баба, а нам нужно человека в кошевые.

– Кого же выберете теперь в кошевые? – сказали старшины.

– Кукубенка выбрать! – кричала часть.

– Не хотим Кукубенка! – кричала другая, – рано ему: еще молоко на губах не обсохло.

– Шило пусть будет атаманом! – кричали одни. – Шила посадить в кошевые!

– В спину тебе шило! – кричала с бранью толпа, – что он за казак, когда проворовался, собачий сын, как татарин? К черту в мешок пьяницу Шила!

– Бородатого, Бородатого посадим в кошевые!

– Не хотим Бородатого! к нечистой матери Бородатого!

– Кричите Кирдягу! – шепнул Тарас Бульба некоторым.

– Кирдягу! Кирдягу! – кричала толпа. – Бородатого, Бородатого! Кирдягу, Кирдягу! Шила! к черту с Шилом! Кирдягу!

Все кандидаты, услышав произнесенными свои имена, тотчас же вышли из толпы, чтобы не подать никакого повода думать, будто бы они помогали личным участием своим в избрании.

– Кирдягу! Кирдягу! – раздавалось сильнее прочих. – Бородатого!

Дело принялись доказывать кулаками, и Кирдяга восторжествовал.

---

⁸⁵ *Палица* – жезл с серебряным вызолоченным шаром на конце, знак власти кошевого атамана.

⁸⁶ *Жезл* – знак власти есаула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.